

**К 75-летию
исторического факультета БГУ**

**ИЗ МЕМУАРОВ В. И. ПИЧЕТЫ
«МОЯ ЖИЗНЬ ДО 1905 ГОДА»**

Первый ректор БГУ — Владимир Иванович Пичета родился 9 (21) октября 1878 г. в Полтаве в семье преподавателя Духовной семинарии Иоанна (Йована) Христофоровича Пичеты (1844—1920), серба по национальности, выходца из Мостара (Герцеговина), и Марии Григорьевны Пичеты (в девичестве Григоренко), украинки, дочери чиновника казенной палаты. Йован Пичета попал в Россию в 1858 г. в составе группы талантливых сербских юношей, которые были отобраны российским консулом в Боснии Гильфердингом для получения образования¹. Он учился в Одесской, а затем в Киевской Духовной академии. После ее окончания Й. Пичета предпринял попытку вернуться в Сербию, но в конечном итоге остался в России, где верой и правдой служил на ниве духовного просвещения. Он был удостоен орденов Святой Анны и Святого Владимира, получил потомственное дворянство. Жизнь вдали от родины и близких оказала влияние на формирование его характера. Владимир Иванович в своих «Воспоминаниях» не раз подчеркивал суровость нрава отца. В 1888 г. Иоанн Христофорович принял сан священника и был направлен в Витебск на должность ректора Витебской Духовной семинарии. В 1890 г. он вернулся с семьей в Полтаву, получив назначение на должность ректора Полтавской Духовной семинарии, и проработал в этом качестве почти всю жизнь².

Владимир Иванович начал свое гимназическое образование в Витебске, а затем продолжил его в Полтаве. В 1898 г. после окончания Полтавской классической гимназии он по настоянию отца поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета, который закончил в 1901 г. с дипломом I степени. Будучи очень дисциплинированным студентом, он посещал не только все занятия по историческим дисциплинам, но интересовался философскими проблемами, правовыми вопросами, особенно выделял необходимость знаний в области государственного права. Студент Пичета, как он сам отмечал, относился к той части студенчества, которая не слишком активно участвовала в студенческих волнениях, достаточно частых в то время. Это вообще было характерно для студентов историко-филологического факультета, которые не выходили за рамки академической борьбы.

Для Владимира Ивановича первейшей обязанностью была учеба. Он стремился как можно глубже постичь тайны исторической науки, тем более что учился у самых известных историков того времени. Жизнь юного студента не была легкой и сытной. Отец, обремененный большой семьей (кроме Владимира, было еще шестеро детей, старший Константин умер в 1890 г. в Витебске от туберкулеза), не мог оказывать ему слишком большую материальную поддержку. Поэтому В. И. Пичета был вынужден выкраивать время, чтобы давать частные уроки неуспевающим гимназистам.

Наконец годы учебы остались позади. Ранее он предполагал, что после окончания университета займется преподавательской деятельностью в родной Украине, по которой очень скучал. Однако жизнь внесла свои коррективы. В мае 1902 г. Пичета женился на купеческой дочери Марии Валерьяновне Зызыкиной (родной сестре жены М. К. Любавского)³. Пришлось остаться в Москве и искать работу. С большим трудом ему удалось получить место преподавателя русского языка и воспитателя подготовительного класса в Лицее в память цесаревича Николая, который находился тогда у Крымского моста⁴. Продержался он здесь недолго и в мае 1902 г.

отправился в Украину, в местечко Коростышев⁵, где получил место наставника Коростышевской учительской семинарии.

В августе 1903 г. при содействии своего университетского друга Ивана Михайловича Соловьева он переехал в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), где служил в различных средних учебных заведениях до 1905 г. Именно здесь Владимир Иванович сделал первые шаги на научном поприще. В 1903 г. в Екатеринославе была создана Ученая архивная комиссия, Пичета стал ее активным членом, приняв деятельное участие в изучении екатеринославских архивов. Однако планы своей дальнейшей научной деятельности Владимир Пичета связывал только с Москвой, где была сильная историческая школа и где можно было получить грамотные советы и консультации.

В 1905 г. с помощью того же И. М. Соловьева Пичета перебрался в Москву, чтобы серьезно заняться наукой. Он прекрасно понимал, какие трудности его ждут. Нужно было обеспечить семью, в которой уже был сын Владимир, а в марте 1905 г. родилась дочь Ксения. Поэтому нужно было очень много работать — по 36 часов в неделю в различных учебных заведениях, не считая частных уроков по воскресеньям. Оторванное у сна и отдыха время отдавалось подготовке к магистерскому экзамену, которая заняла почти пять лет. Испытания на степень магистра были закончены 5 мая, а 17 ноября и 1 декабря 1909 г. были прочитаны вступительные лекции. Постановлением историко-филологического факультета от 1 декабря 1909 г. Пичета был удостоен звания приват-доцента этого факультета Московского университета, что давало ему право вести практические занятия со студентами⁶.

К сожалению, деятельность Владимира Ивановича в должности приват-доцента была непродолжительной. В 1910—1911 гг. наблюдался новый подъем студенческого движения и, как следствие — усиление полицейского надзора со стороны властей в отношении высшей школы. В феврале 1911 г. по распоряжению министра народного просвещения Л. А. Кассо⁷ был уволен с поста ректора и вообще из Московского университета либеральный профессор А. А. Мануйлов⁸, были уволены и другие члены университетского руководства. На пост ректора был поставлен известный своими консервативными взглядами М. К. Любавский (свояк Пичеты). В знак протеста против этого значительная часть профессоров и приват-доцентов покинула стены Московского университета. В их числе был и В. И. Пичета.

После ухода из университета он продолжил свою педагогическую деятельность в средних и высших учебных заведениях. Еще в 1906 г. его пригласили преподавать на Высших женских курсах, учрежденных В. И. Герье⁹. С 1910 г. Пичета преподавал и на Высших женских юридических курсах, учрежденных В. Полторацкой, где в это время был создан историко-филологический факультет. Одновременно Владимир Иванович продолжал заниматься научной деятельностью, отдавая все свободное время подготовке научного труда «Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве в XVI веке». Две части этого исследования были опубликованы в 1917 г.¹⁰ За первую часть он получил степень магистра, а за вторую — доктора русской истории. В мае 1917 г. В. И. Пичета подал прошение о зачислении его в состав приват-доцентов Московского университета и с сентября приступил к исполнению этих обязанностей¹¹. В 1918 г. Владимир Иванович — профессор историко-филологического факультета 2-го Московского университета, а в 1919—1922 гг. — профессор вновь созданного факультета общественных наук МГУ. Одновременно он продолжал преподавать в средней школе и в нескольких военных учебных заведениях¹².

В эти же годы В. И. Пичета активно участвовал в реорганизации архивного дела, работал в Центральном государственном архиве в качестве главного эксперта. Вместе с другими видными историками и архивистами принимал меры к спасению ценнейших документальных фондов. В качестве эксперта по вопросам архивов и памятников культуры он привлекался к советско-польским переговорам (1920—1921 гг.), в 1920 г. участвовал в качестве эксперта в советско-литовских переговорах. В известной степени благодаря его опыту и научно

обоснованному им принципу неделимости естественно сложившихся архивных и библиотечных фондов ценнейший архивный комплекс «Литовская метрика», как и ряд других важнейших архивных комплексов, остались в российских архивах¹³.

Огромная научно-организаторская работа была проведена В. И. Пичетой в Белоруссии. Благодаря исключительной эрудиции и большому педагогическому таланту он оказался именно тем ученым, которому было доверено дело создания первого белорусского университета. В январе 1921 г. белорусское руководство наметило Пичету на должность ректора, а в июле он получает это назначение¹⁴. С неиссякаемой энергией он взялся за создание первой высшей школы в Белоруссии. Им был проведен подбор профессорско-преподавательских кадров. 30 октября 1921 г. состоялось торжественное открытие университета.

С первых дней работы университета В. И. Пичета ведет активную преподавательскую деятельность. Он читает лекции по истории Белоруссии, истории народного хозяйства России, истории белорусского права, истории славян — по всем тем вопросам, которые интересовали его еще со студенческой скамьи. Он был замечательным лектором, умел очень просто и увлекательно рассказывать о самых сложных проблемах исторического процесса, поэтому круг его слушателей был очень широк — от студентов до служащих и интеллигенции, не безразличных к истории родной земли. Владимир Иванович освоил белорусский язык, говорил и писал на этом языке и требовал от других преподавателей знания белорусского языка. С 1921 по 1924 г. он разрывался между Минском и Москвой, продолжая читать лекции и вести практические занятия в МГУ. Но в 1924 г. он все-таки вынужден был оставить Московский университет и полностью сконцентрировал свою деятельность на Минске и БГУ.

Годы жизни в Минске — один из наиболее плодотворных периодов научного творчества В. И. Пичеты. За 1921—1929 гг. им было написано около 150 работ самого разного характера. Это и монографии, и статьи, и рецензии на работы по истории, историографии, источниковедению, истории права Белоруссии. Еще в начале научной деятельности Владимир Иванович обратился к изучению исторических судеб Великого княжества Литовского. Прежде всего его интерес был направлен на изучение аграрной политики второй половины XVI в., которая стала начальным этапом обезземеливания белорусского крестьянства. Таким образом, уже тогда в круг научных интересов ученого попали проблемы исторического развития белорусского народа. Позже он обратился к изучению аграрной реформы в восточной части Белоруссии в первой половине XVII в., выступив новатором данной проблемы. Равным образом В. И. Пичета впервые приступил к изучению пореформенного феодального крепостного хозяйства, положения сельского населения и степени обеспеченности его землей.

Вторая группа вопросов, исследованных Владимиром Ивановичем, касалась Белорусского культурного возрождения, которое он рассматривал на общем фоне западноевропейского гуманистического движения, связывая его с развитием белорусского народа и образованием белорусской народности и языка. В цикле этих работ он впервые осветил историю книгопечатания в Белоруссии до середины XVII в., составил обзор литературы о Франциске Скорине до середины XVIII в. Исследования В. И. Пичеты касались также истории белорусского народа от подчинения белорусских земель суверенитету ВКЛ до крестьянской реформы 1861 г., отдельных проблем по истории права ВКЛ и Белоруссии.

Пичета впервые опубликовал (еще в 1918 г.) «Историю Белоруссии с древнейших времен до буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.»¹⁵. В основу легли лекции, прочитанные им тогда в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 г. Затем им была напечатана «История Белоруссии» (Ч. 1 до 1569 г.)¹⁶. Кроме того, была подготовлена к печати «История Белоруссии» (Т. 1: до 1861 г.). Таким образом, годы работы в Минске — очень плодотворный период его научной деятельности. Как профессор БГУ (до 1930 г.) и как академик АН БССР В. И. Пичета оказал огромное влияние на белорусскую историографию и на формирование белорусской школы историков.

К сожалению, его кипучая деятельность была прервана неожиданным арестом по так называемому «академическому делу» или, как его еще называли, «делу профессора Платонова»¹⁷. Тогда была арестована большая группа российских историков, всего 115 человек. Их обвиняли в заговоре с целью свержения советской власти. Среди них такие известные ученые, как С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, Е. В. Тарле¹⁸, Ю. В. Готье¹⁹, С. В. Бахрушин²⁰. С 17 ноября 1931 г. по 20 июня 1934 г. В. И. Пичета находился в административной ссылке в Вятке. Здесь он работал секретарем при секторе общественного питания городского рабочего кооператива, затем инструктором по техническому нормированию труда, заведующим тарифно-нормировочного бюро²¹. В 1931 г. был арестован и сын В. И. Пичеты — Владимир Владимирович, который погиб от цинги где-то на лесозаготовках. 20 июня 1934 г. Пичета был отправлен в Воронеж, где стал работать профессором кафедры русской истории Воронежского государственного педагогического института им. М. Н. Покровского²². Здесь он прослужил до 1 июня 1935 г. Затем Владимир Иванович получил справку о полном освобождении, где не была указана статья, по которой он привлекался к ответственности. Уже с сентября 1935 г. В. И. Пичета возобновил свою преподавательскую деятельность в Москве. Он жаждал работать. Об этом говорит его послужной список: в 1935—1938 гг. он преподаватель рабфака им. В. И. Ленина²³, 1935—1937 гг. — профессор Института хлебопекарной промышленности, с 1937 г. — сотрудник Института истории АН СССР, с 1938 г. — вновь в МГУ имени М. В. Ломоносова²⁴. В 1938 г. ему была присуждена степень доктора исторических наук без защиты диссертации. В 1939 г. Пичета избирается членом-корреспондентом²⁵, а в 1946 г. — действительным членом АН СССР.

Напряженная предвоенная обстановка поставила в качестве одной из важнейших политических задач возрождение в СССР историко-славистических исследований, для чего нужны были высококвалифицированные кадры. В. И. Пичета стал именно тем ученым, который возглавил это новое направление в советской историографии. Вокруг него стали группироваться историки, которые в силу своих научных интересов касались славянской проблематики. В 1939 г. в Институте истории АН СССР был создан сектор славяноведения, а на историческом факультете Московского университета организована кафедра истории южных и западных славян. И сектор, и кафедру возглавил Владимир Иванович. Благодаря таланту исследователя, исключительной научной эрудиции, выдающимся качествам педагога и воспитателя, большим организаторским способностям и личному обаянию он стал одним из родоначальников российской историко-славистической школы.

30—40-е гг. XX в. — нелегкий период в его жизни, время научных поисков, незавершенных исследовательских проектов, личных разочарований. Однако, будучи уже немолодым человеком, прошедшим большой и трудный жизненный путь, он продолжал работать с прежним упорством. Большая часть славистических исследований В. И. Пичеты этих лет была посвящена проблеме славяно-германских отношений, что было обусловлено событиями Второй мировой войны. Поэтому для этих работ характерна яркая публицистическая форма изложения, преобладание описательности над методом анализа. Однако именно в это же время он трудился над фундаментальными монографиями «Польский вопрос в международных отношениях 1795—1848 гг.» и «История Польши», которую он частенько называл своей «лебединой песней». Многие из того, что написал Владимир Иванович, осталось в рукописях, не было завершено. От письменного стола его отрывали не менее важные дела: лекции, доклады, организационная работа на родной кафедре и во втором его детище — созданном в 1947 г. Институте славяноведения АН СССР. Известно, что главными вехами на жизненном пути ученого являются его труды. В полной мере это применимо и к большой творческой деятельности Владимира Ивановича.

Многочисленное рукописное наследие академика В. И. Пичеты хранится в Архиве РАН. С 1980 г. фонд академика В. И. Пичеты (№ 1548) открыт для исследователей. Надо отметить,

что сотрудниками архива была проведена очень кропотливая и трудоемкая работа, поскольку документы поступили практически в неразобранном виде. Надо было все разбирать по листочку. Кроме того, Владимир Иванович часто в целях экономии бумаги писал с обеих сторон листа. От этого также возникали проблемы. Документы, составляющие фонд Пичеты Архива РАН, разделены на три части — соответственно по трем описям. Первая опись включает рукописное наследие ученого — почти 450 единиц хранения. Это работы, написанные с 1898 г. по 1947 г. Рукописи разделены по следующим рубрикам: история народов СССР, история славянских народов, история других европейских государств, историография, источниковедение, подготовительные материалы, отзывы, замечания, рецензии. Во вторую опись включены материалы биографического характера: копия метрического свидетельства о рождении В. И. Пичеты, удостоверения, справки, свидетельские показания о работе в разные годы жизни, диплом об окончании Московского университета, несколько вариантов автобиографий. Среди документов биографического плана имеются материалы мемуарного характера, дневниковые записи за 1944—1946 гг. В третьей описи представлена обширная переписка ученого. Здесь собраны черновики писем Владимира Ивановича друзьям, ученикам, коллегам. Черновики сохранились по причине своеобразия почерка Пичеты, очень трудного для прочтения, поэтому своим адресатам он отправлял машинописные экземпляры, а черновики оставались в архиве. В Москве была единственная машинистка, которая разбирала его почерк, к сожалению, мы не знаем ее имени. Рукописное наследие позволяет судить о глубокой эрудиции, обширных научных интересах, богатой творческой лаборатории ученого.

Мы хотим предложить читателям белорусского научного ежегодника «Российские и славянские исследования», интересующихся личностью В. И. Пичеты, отрывок из его воспоминаний «Моя жизнь до 1905 года». Полный текст воспоминаний хранится в личном фонде академика в Архиве РАН²⁶ и в настоящее время готовится для печати. Мемуары написаны в самый драматичный период жизни Владимира Ивановича — в Ленинградском доме предварительного заключения (знаменитых «Крестах») перед отправкой в административную ссылку в Вятку осенью 1931 г. Он не знал, что его ожидает впереди, какие еще испытания уготовила ему судьба. Воспоминания — это 133 листа большого формата, исписанных черными чернилами с двух сторон очень характерным «пичетинским» почерком, когда в первую минуту знакомства с ним вы не видите ничего, кроме палочек, черточек, крючочков. Достаточно много времени ушло, чтобы в него вчитаться, чтобы начать различать слова, составлять фразы, восстанавливать смысл написанного. Небольшое количество слов все-таки не удалось разобрать, они отмечены отточием, заключенным в квадратные скобки. Если мы не уверены в написании некоторых слов, в основном имен собственных, мы их также заключили в квадратные скобки.

Воспоминания охватывают гораздо больший промежуток времени, чем это определено в заглавии. Фактически Пичета доводит свое жизнеописание вплоть до февраля 1917 г., когда он защитил магистерскую и докторскую диссертации. Пичета написал о периоде, когда он формировался как личность, когда определялись его научные интересы, написал о своих замечательных учителях, о сложных перипетиях того времени. Перед нами возникает очень светлый образ молодого ученого, романтика, влюбленного в жизнь, в свою будущую профессию. Мы видим великолепного лектора, замечательного педагога, который, как и его отец, отдавал большую часть своей души ученикам, в каком бы учебном заведении он ни служил.

Мы предлагаем читателям белорусского научного ежегодника «Российские и славянские исследования» отрывок из воспоминаний, который касается детства и гимназических лет В. И. Пичеты. Тогда произошло его первое знакомство с Белоруссией. Интерес же к истории белорусского народа он пронес через всю свою жизнь.

Л. И. Уткина

МОЯ ЖИЗНЬ ДО 1905 ГОДА

Предисловие

Мне 52 года. Я еще обладаю свежей мыслью и могу много научно работать. Я это доказал своей работой в тюрьме, в которой я просидел больше года и в которой я написал 12 п. л., имеющих отношение к истории и экономике Белоруссии, где прошла значительная последняя часть моей жизни. Теперь я вынужден превратиться в административно высланного, направленного в Вятку, где должен доказать свою лояльность, хотя я все последние годы своей жизни, начиная с 1918 г., отдал Советскому Строительству, в особенности, когда я был ректором Белорусского Государственного Университета в течение 8 лет. Я сейчас болен какой-то серьезной желудочной болезнью и, вероятно, скоро окончу дни своего существования. Это заставляет меня приняться за мои «Воспоминания». Я имею в виду только своих близких и отнюдь не предполагаю их для печати. Теперь не такое время, чтобы такие «Воспоминания» могли появиться. Я не был старым крупным общественным деятелем, я не был также знаком с большинством из них и от которых я стоял весьма далеко. Но я ненавидел всеми фибрами своей души старый порядок и приветствовал пролетарскую революцию, во время которой и благодаря которой я мог развернуться как советский деятель и как научный исследователь, давший толчок всестороннему изучению Белоруссии в прошлом. Мои записки должны быть моей «апологией» и документом моей «советскости». Я считаю также, что окончание моей жизни в Вятке — сплошное недоразумение, развеять которое я был лишен возможности. Я не сомневаюсь в том, что рано или поздно это выяснится. Я связал себя с Советской властью, с рабоче-крестьянскими массами, по воле которых я широко развернул свои духовные силы и способности. О, теперь я перестал быть старым интеллигентом. Я умею ненавидеть тех, с кем я оказался случайно связанным и благодаря которым я оказался оторванным от моей нежной и любимой семьи и должен очутиться в Вятке, куда я направляюсь. Я начинаю свои записки в тюрьме, перед отправлением на новую жизнь, что должно состояться «на днях». Я не боюсь этой новой жизни. Я унижен и оскорблен. Но моя честь остается при мне. И я перед рабочими и крестьянами, своими детьми и женой, друзьями и товарищами, которые у меня были, буду стоять с высоко поднятой головой, с сознанием своей честности и неизменной преданности интересам и делу рабоче-крестьянской власти, волю которой я неизменно и беспрекословно выполнял, поставленный на высокий пост организатора и ректора БГУ, который мог появиться, окрепнуть и, естественно, потом реформироваться, только благодаря Советской власти, только благодаря Октябрьской революции, уничтожившей старый буржуазный строй и прогнавшей с территории БССР польских белых оккупантов.

Ленинград. Август 1931 г.

Мое детство

Я родился 9 октября 1878 г. в семье преподавателя средних школ в Полтаве. Мой отец, Иван Христофорович, герцеговинский эмигрант, получивший свое среднее и высшее образование в Киеве. Отправившись на родину после окончания Киевской Духовной академии (1867 г.), он принял участие в местном антитурецком движении и был вынужден, спасая жизнь, бежать через горы и долины в Россию, где и протекла вся его жизнь до глубокой старости (1920 г.). Мой отец, человек больших способностей и большого умственного дарования, отличался суровостью своего характера и деспотическими наклонностями, от которых больше всего страдала моя добрая, нежная, кроткая мать, преданно отдававшая себя днем и ночью воспитанию всей нашей многочисленной семьи, теперь поредевшей и разбросанной по своим семьям.

Специфический характер отца придавал нашей семье особый характер. В ней не было радости, редко слышался смех. Все были какими-то замкнутыми и далекими. Мы не знали улыбки, радости, детской веселости. Вся та семейная обстановка оказала громадное влияние на мой характер и на мою психику, в особенности на отношения с моим отцом, о которых придется говорить особо. Я начинаю себя помнить с 6 лет. Мне живо представляется небольшой собственный домик на Колониальной улице, впоследствии проданный, когда старшего брата Константина надо было спасти от смерти по причине туберкулеза. При доме был садик с белыми акациями, разноцветной сиренью, розами, тюльпанами. Не было ни одного фруктового дерева, даже вишни. Здесь мы бегали, играли, ездили верхом на нашем цепном Барбосе, спокойно переносившем наши детские шалости. Рядом был дом и большой фруктовый сад какой-то генеральши. Спелые, сочные фрукты, начиная с ярко красных шпанок, манили своими соблазнами, хотя две сторожевые собаки делали невозможным покушение на чужую вишню. Мы только смотрели на них в щелочку забора. Впрочем, иногда кое-что перепало. Я был дружен с садовым сторожем и часто получал от него фрукты, которые и съедал тайком от матери, запрещавшей мне их брать, чтобы не создавать недоразумений со сварливой соседкой. Мать была всегда напугана возможными нашими болезнями и из боязни простуды безбожно нас кутала, боясь свежего воздуха, и отапливала квартиру зимой до 20 градусов. Я привык к теплу с детства и потом почти всю жизнь в нормальное время ощущал холод. Я живо себе представляю мою страдалицу мать, положившую жизнь за нас всех. Днем забота о пище, вечером и ночью забота об одежде: надо починить, заштопать, уложить.

Мать моя редко улыбалась, была вечно озабочена, никогда нас не ласкала и не целовала, но безумно любила нас. Я рад, что в семье нашей не было этих обычных вечерних и утренних поцелуйных обрядов. Можно любить и быть нежным без поцелуев. Я с благоговением вспоминаю о своей матери, рано ушедшей от нас (1911 г.).

Я всю жизнь с благодарностью вспоминаю своего покойного брата. Он учил меня работать, приучил к настойчивому труду, но мне все давалось с трудом, ибо у меня не было выдающихся способностей, что очень огорчало моего отца.

Другой факт, под влиянием которого я находился, — это ссоры отца с матерью, этой страдалицей за нас всех. Мой отец, большой, сильный человек, которого я всегда боялся и с которым потом постоянно боролся, так что матери приходилось разнимать волновавшихся отца и сына, был очень суровым, деспотично настроенным человеком, вечно занятым уроками, ибо нас было много, и только к старости ставшим удивительно мягким и нежным. Эти новые его качества испытали на себе его внуки и внучки, в том числе и мои дети. Мать моя, Мария Григорьевна, кроткая, нежная, покорная, в детстве болевшая туберкулезом, была полной противоположностью отцу. Нежность натуры, украинский женский характер столкнулись с деспотическим характером «герцеговинца». Отсюда ссоры и сцены, такие печальные для детей, так бурно влиявшие на их психику, увеличивавшие их нервозность. Я помню сцену, когда мать стояла на коленях перед отцом и о чем-то молила. Оказалось, что отец хотел покинуть нас всех. Все окончилось миром, и только страдание осталось у матери и у всех притаившихся по углам, смутно сознававших, что происходит что-то важное. Я бросился в комнату, где плакала моя мать, и застал эту тяжелую семейную сцену. Увы, я не знал, что я тоже не найду радости в семье, и проклятое наследство отразится и на мне, хотя я менее всего похожу на отца. Я вспылывал до безумия. В минуту мгновенного гнева я мог многое сделать и сказать, но у меня никогда не было сильной воли. У меня было доброе сердце, нежная душа, вечная тоска по ласке. Это все от моей матери.

Два первых впечатления моего детства оказали на меня громадное влияние. Когда мне было около шести лет, я как-то вечером за чайным столом прочитал несколько слов. Все удивились, так как никто со мной не занимался и грамоте не обучал. Будучи в обществе старших сестер и брата, которые или занимались дома, или уже посещали гимназию, я незаметно научился

грамоте. С этого времени со мной стали заниматься, и эту обязанность взял на себя мой покойный брат Константин, так рано скончавшийся от туберкулеза в Витебске (1888 г.). До конца своей жизни брат Костя, больной и измученный, продолжал руководить мною и когда я уже был в первом классе Витебской гимназии. Я постоянно вспоминаю моего угасшего брата с его печальной улыбкой, ибо только ему я обязан своим первоначальным развитием, своим интересом к миру и людям. Кажется, мой брат, которого безумно любили отец и мать, был в пятом классе Полтавской гимназии, когда он стал заниматься со мною. Окончил он Полтавскую гимназию с золотой медалью и поступил на юридический факультет в Киевский университет, где жил уроками, а потом выдержал конкурс на стипендию, усилив свой туберкулез, о наличии которого никто в семье не предполагал. Для отца и матери Константин был и радостью, и гордостью. Наделенный большими способностями, превосходно изучивший несколько новых языков, блестящий математик, он имел полное право быть украшением семьи. Когда я, первоклассник, стал старшим сыном в семье, я не мог быть даже его тенью, отсюда зародилось то нерасположение ко мне со стороны отца, которое с годами увеличивалось по мере нашего расхождения во взглядах и которое окончилось только в дни глубокой старости. После окончания Полтавской гимназии моему брату было предложено ехать в Лейпциг, в филологическую гимназию, но он отказался. Во время болезни Костя писал свои дневники на разных языках и очень много на латыни и по-гречески. Я только тайком познакомился с ними. Для меня стала понятна психология умирающего человека. Почти умирая, за несколько дней до смерти, он пел предсмертную песнь-гимн науке и свободному человеку. Смерть унесла его. Семья наша осиротела. Мать сразу постарела.

Я вспоминаю частую посетительницу нашей семьи Варвару Александровну Андриевскую, сначала бывшую классной дамой в Полтавском Епархиальном женском училище, а потом и занявшую место ушедшей в отставку Софьи Ивановны Гуляевой, сын которой был впоследствии известным профессором в Киевском университете на юридическом факультете по кафедре гражданского права. В. А. — моя крестная, была привязана ко всей нашей семье. Она дарила незамысловатые игрушки, которых отец не мог купить, она к праздникам — Рождеству и Пасхе — шила мне по костюмчику и тем облегчала мою мать, обычно вкладывая в карман небольшое портмоне с 10 копейками. О, это было для меня большое богатство! И потом она всегда нежно относилась ко мне, и в университетские, тяжелые годы всегда помогала мне. Девушка — она вложила в свои отношения ко мне свой материнский инстинкт, свою украинскую сентиментальность. Я часто вспоминаю об этом добром человеке, согревавшем меня своей лаской, в которой я так нуждался, словно она чувствовала, что у меня не было ее. Оттого-то я рос угрюмым, печальным, замкнутым, одиноким, погруженным в свои детские думы и мысли. И только занятия и беседы с Костей давали мне большую радость. Я храню с благоговением его несколько писем, написанных из Киева своему брату Владимиру.

Мы редко бывали среди детей, редко бывали на людях. Мы росли застенчивыми, и та застенчивость так и осталась моей «подругой» в течение всей моей жизни. Я всегда стеснялся быть на людях. Где-нибудь сидеть одному или с товарищем мне всегда доставляло величайшее наслаждение. Молчаливый и застенчивый на людях, я любил болтать с товарищем и другом, иногда проводя за этой болтовней целые ночи. Эта привычка сохранилась до последнего времени.

Собственно нас не воспитывали. Нами некогда было заниматься. Костя, Люба, Соня, Лена, я, Юра, Саша и Вася (1888) — были слишком большой материальной обузой. Надо было изощряться и отцу и матери, чтобы мы были все сыты. Где тут особенное внимание, когда в доме часто не бывало куска хлеба, как потом говорила мне моя матушка, положившая жизнь за детей своих. Мы все самоучки, все воспитывали и развивали друг друга. Но искусство было нам чуждо. У нас не было в доме музыки, нас не обучали ей. Это была бы неслыханная роскошь для такой «пролетарской» семьи, какой была наша. Нам не навязыва-

ли никаких убеждений. Нас не водили в церковь и мало обращали внимания на наше религиозное воспитание. Мы даже не носили крестильных золотых крестов, но я с детства любил церковные службы. На страстной неделе перед Пасхой всегда меня водил отец в Епархиальное училище, а мать обычно оставалась дома, усталая от предпраздничных хлопот, и сохраняла безмятежный сон моих младших братьев. Пасха давала много веселья! Подарки — незамысловатые игрушки от крестной и украинские мазурки, которые с таким мастерством и удивительным искусством, по рецептам своей бабушки и матери, она приготавливала и кормила нас. Они обладали способностью не черстветь, и на Троицын день они были такими же свежими, как и на Пасху. Летом мы нанимали «хатенку» в Беликах²⁷ около Полтавы, и тут наступало раздолье. Нам давали полную свободу, и в обществе детей хозяйки и соседей мы проводили лето, наслаждаясь всеми благами украинской природы, норовя иногда залезть в сад к соседнему помещику со всеми крестьянскими товарищами и подругами. Но скоро об этом узнал отец. Я был наказан, и наши похождения прекратились. Мы довольствовались лесными грушами и яблоками, которые поедали еще зелеными, иногда дорого расплачиваясь за это. В деревне был жестокий коклюш, и мы все заболели. Помню, что нас мать лечила сиропом и вареньем из диких груш, и это действительно успокаивало нас, и мы скоро поправились. К 5 августа мы были в городе.

В 1887 г. произошли значительные перемены в моей жизни. Костя окончил с золотой медалью гимназию, выдержал в то время ужасный экзамен на аттестат зрелости и уехал в Киев, где его здоровье пошатнулось и где учился он недолго. Я остался дома один, ибо сестры все учились в школе. Скучно было одному и одиноко. Мой отец преподавал географию в соседнем с нами мужском Духовном училище и решил отдать меня в подготовительный класс реформированной бursы. Я поступил без труда и с охотой занимался всеми предметами. Я вспоминаю с любовью А. С. Свирицкого, преподавателя подготовительного класса, блестящего педагога, как я мог оценить впоследствии, удивительно скромного, до конца своих дней остававшегося на том же посту. Он поощрял чтение разных книг, не любил зубрежки, прекрасно занимался арифметикой, заставлял решать относительно сложные задачи по памяти. Это был прекрасный педагогический прием, оказавший мне впоследствии большую услугу, хотя математиком я никогда не был, и арифметика мне давалась с трудом. Сложное тройное правило я понял только тогда, когда прошел весь курс алгебры. Я не помню, чтобы Свирицкий прибегал к каким-либо наказаниям. Его все любили, и достаточно было одного его слова, чтобы в классе наступала тишина. Это был педагог-гуманист, украинец, вынужденный преподавать по-русски, безумно любивший все украинское, хотя оно и было под запретом. Нашим любимцем был учитель пения, известный Иван Николаевич Ризенко, никогда не расстававшийся с украинской речью, и наряду с церковными песнями разучивал с нами украинские песни, значительная часть которых была им же гармонизована. Уроки пения были радостным днем, праздником души и сердца даже для меня, не обладавшего музыкальным слухом, по сравнению с моими деревенскими товарищами, приносившими с собой свежесть украинских степей и любовь к украинской песне, ко всему украинскому.

И в доме у нас было много украинского. Это вносила мать, ибо отец был все время занят «братушками»-сербами, и немало последних перебывало у нас, ища материальной и моральной поддержки и получая ее всегда. Я ничего не знал о Сербии и сербах, кроме рассказов отца, но меня с детства влекла какая-то симпатия, правда не только к сербам и Украине, что впоследствии отчасти и сказалось на моей научной и преподавательской деятельности. Я рос под обаянием украинского романтизма и украинской природы и впечатлением об ужасных страданиях южных славян. Моя нянюшка, десяток лет жившая в доме, вносила в дом струи народного украинства с его сказками, поверьями, обрядами. И мать так свято соблюдала их. Мы говорили на украинском языке, русский язык был неправильным, да мать не любила его, хотя кругом часто слышалась русская речь, как результат русской колониальной поли-

тики. Вспоминая свои детские грезы и мечты, я могу сказать, что был всегда погружен в мир украинских видений и сказаний. Русификаторская колониальная политика потерпела неудачу. За внешним русским покровом сказывалось на Украине настоящее украинское, которое все любили, даже приезжавшие преподаватели великороссы, столь чуждые по своей психике всему украинскому, подчинялись украинству, и немало из них связало свою жизнь с украинками, полтавчанками, оставались навсегда на Украине. Украинки — большие патриотки. Они тоскуют на чужбине, хиреют. Только воздух и солнце Украины и грустно сентиментальная украинская песня любезны их сердцу и душе. Теперь кончилось для Украины рабство, и я безумно счастлив, хотя мне, при всей моей страстной любви к Украине, не удалось поработать на Родине. Но и на чужбине, куда я попал не по своему желанию, а по воле отца, я остался верен вскормившей меня земле и воспитавшему меня народу.

Остались у меня с детства неясные представления о поляках и польском восстании. В Полтаве было много поляков. Было немало полек, вышедших замуж за полтавцев. Они часто бывали в нашем доме и говорили на каком-то своеобразном русском языке. От матери я узнал, что они дети ссыльных польских повстанцев 1863 г., из которых многие были еще живы и жили в Полтаве²⁸. Мать моя была сердечной с ними и, избегая всякой политики, не одобряла жестокости изгнания. Недаром часто польки бывали у матери и плакали, оторванные от своей родины. Я себе ясно не представлял, что такое «восстание», но одно было ясно, что поляки наказываются за то, что пошли против русского царя, хотели для себя свободы. Отсюда, быть может, мой интерес к польской истории, впоследствии развернувшийся на университетской скамье. Не знаю почему, но когда я был гимназистом шестого класса гимназии и умер повстанец [Урбовский], член какого-то банка, завещавший все свое состояние, как говорил отец с негодованием, польскому народному жонду²⁹, я, никогда не видя его, однако почему-то был на его похоронах в кругу большой польской колонии, собравшейся проводить в последний путь бывшего повстанца. О своем присутствии на похоронах [...], версты три до костела, я сказал матери, но не сказал отцу, словно чувствовал, что мой протест, правда, бессознательный, не будет им одобрен. Я был не один. Нас было несколько гимназистов, смутно понимавших, что ушел человек, принимавший участие в чем-то большом, за что и пострадал. Тут я впервые узнал, что есть люди, которые находятся под надзором полиции. Покойный [Урбовский], член банка, был в их числе.

В детстве я впервые услышал слово — «гласный думы», который имеет какие-то городские обязанности³⁰. Мой отец, как небольшой домовладелец, оказался в числе гласных, о чем я узнал на основании следующего. В Полтаве в половине июля бывала известная Ильинская ярмарка, и отец, как гласный, проводил дни за городом на конной площади за сбором налогов. Это мешало отцу быть с нами в деревне. Весной 1888 г. произошли значительные перемены в жизни нашей семьи в зависимости от служебных перемен отца. Последнему был предложен пост ректора Витебской Духовной семинарии, который он согласился принять после долгих колебаний. Потом я узнал, что отцу предложили сначала ректорство в Кишиневе, но отец отказался. Вторичное предложение на тот же пост, но в Чернигов, вызвало также отказ, и только в третий раз отец дал согласие и был вынужден принять сан священника. Мать моя не хотела покидать Полтаву, не желала видеть мужа священником, но в конце концов примирилась с этим. Отец долго не мог привыкнуть к своей длиннополой одежде и, пока не уехал в Витебск, всегда оставался дома в штатском костюме. Я не знаю, какими мотивами руководствовался отец, давая свое согласие на пост ректора, но думаю, что главная причина — это забота о семье, которая была довольно многочисленна и которую надо было содержать.

Весна 1888 г. обнаружила у брата злейшую чахотку, и доктор отправил его в Славуту Волынской губернии³¹, где было основано кумысное лечебное заведение. Наш домишко был продан за 2,5 тыс. руб., и это был фонд для лечения брата. В начале июня отец с братом и со мной поехали в Славуту через Знаменку³², Фастов³³, [...], Бердичев³⁴. Это было первое мое

большое путешествие, крайне меня утомившее. Когда в Славуте отец с братом отправились к доктору, я остался в корчме и так крепко заснул, что никакие стуки не могли меня разбудить. Отец, понятно, очень взволновался. Пришлось ломать окно, чтобы убедиться, что я лишь только сплю крепким сном. Из Славуты на Ковель — Вильно — Динабург³⁵ мы поехали в Витебск. Сумрачное небо, постоянные дожди очень неприятно меня поразили, и я с особенностями белорусского климата ни тогда, ни теперь не могу примириться. В Витебске отец решил меня отдать в классическую гимназию в подготовительный класс, и для этого надо было подготовиться. На это ушло лето.

Жизнь в Витебске

Отец отдал меня на подготовку Н. Я. Никифоровскому, преподавателю подготовительного класса, ото всей природы которого веяло лаской и добротой. Николай Яковлевич занимался не с одним мной, а с целой группой разных малышей. Знания мои были вполне достаточны. Но под руководством такого блестящего преподавателя, каким был Н. Я., я скоро не только возобновил все мне известное, но и значительно расширил свои знания, в особенности по математике, и свой умственный кругозор. Я не знал, что скромный преподаватель был уже виднейший белорусский этнограф и фольклорист, совмещавший свою любовь к науке с должностью преподавателя подготовительного класса. Всегда ровный и спокойный, неизменно приветливо ласковый, Н. Я. был нашим любимцем, нашим другом, внимательно следившим за нашим духовным развитием. Поощряя всячески чтение книг, Н. Я. требовал от нас отчета о прочитанном. И никогда не давал другой книги, не убедившись в том, что первая прочитана. Иногда он устраивал вечер с волшебным фонарем, и мы все путешествовали по чудесным, как нам казалось, недоступным странам. Н. Я. очень любил математику. Устный счет, вычисления и устное решение задач были обычным его педагогическим приемом. Решавший вставал со своего места, и в течение нескольких минут обычно класс решал задачу, но было немало товарищей, как [Индра], который решал задачи прямо-таки моментально, вызывая удивление в нас всех. Это неудивительно. Среди нас было немало удивительно даровитых, развернувших свои способности и дарования впоследствии. Саша [Индра] получил в университете в Петербурге золотую медаль за сочинение, а потом, кажется, трагически погиб. Мне не пришлось с ним встретиться.

Случился со мной один бытовой курьез, который надо отметить. Нам стало известно о скором приезде в Витебск попечителя Витебского учебного округа [Сергиевского]. По этому поводу законоучитель [Терчиловский] просил всех православных надеть нательные кресты и с ними явиться в гимназию. Обо всем я рассказал матери, сказавшей, что приготовит крест. Однако она забыла и я забыл. Когда /Сер. / появился в классе и предложил всем показать, имеются ли у них на шею кресты, я был единственным, у кого его не было. Мне было сделано публичное, приличествующее этому комическому происшествию, замечание. Дома я рассказал своей матери, она улыбнулась и только поцеловала. Крест не был надет на шею. Так я его никогда и не носил. Я не помню своих гимназических товарищей, с которыми у меня были хорошие отношения, за исключением [Гуревича], в семью которого я часто заходил и который часто бывал у меня. Я бывал у него в семье в дни осенних еврейских праздников, когда весь Витебск замирал. Бывал и на Пасхе и ел мацу. [Гуревич] был славный, хороший мальчик, единственный сын, нежно любимый своей матерью. Покинув через год Витебскую гимназию, я потерял его из виду.

Кончился год. Я был переведен в первый класс гимназии и очутился среди массы товарищей, поступивших сюда по экзамену. Я учился в гимназии в то время, когда классицизм занимал первое место среди учебных предметов. В первом классе было отведено 10 часов в неделю на латынь. Я занимался ею усердно, и особых трудностей я не испытывал. Впрочем,

этим я обязан своему больному брату, который после лечения кумысом летом 1889 г. жил в Витебске, где и умер 23 ноября. Преподавал латинский язык И. А. Введенский, отец известного в эпоху революции митрополита Введенского³⁶. Человек он, в общем, был не злой, но у него был один довольно странный педагогический прием. Если «гимназистик» чего-нибудь не понимал, то И. А. имел обыкновение ключом от своей инспекторской двери стучать по голове, приговаривая: глупая-то у меня голова, ничего ты у меня не понимаешь. Числа 28 ноября я был вызван отвечать урок. Я только что похоронил нежно любимого брата и, конечно, я не мог заниматься: не такая была дома обстановка. Я плохо понимал урок, так как приходилось выучить шесть уроков. В. ударил и меня по голове, сопровождая свой удар обычной своей поговоркой. Я рассердился и сказал, что голова у меня совсем не глупая, но что у меня недавно умер брат, и я не в состоянии еще нормально заниматься. В. промолчал. Я рассказал обо всем инциденте матери, которая, не сказав ни слова отцу, просила В. освободить меня от спрашивания в течение недели, так как я по семейным условиям и по общему нервному состоянию не могу нормально заниматься. После этого я ударов ключом по голове не получал, хотя бы делал ошибки в переводе, но оценка моих знаний стала ниже, хотя по совести могу сказать, что я работал много, и латынь я знал.

В сентябре 1890 г. я оставил Витебскую гимназию и переехал в Полтаву ввиду перевода отца на службу в Полтавскую Духовную семинарию. Моя душевная жизнь была встревожена смертью брата и общим нерасположением ко мне отца, который никак не мог примириться с тем, что я у него «старший сын». Это нерасположение больно меня задело, и я стал еще более угрюмым, чем раньше. Я много читал, буквально все, что находилось под рукой, ибо, к счастью, дома не было никакого контроля над моим чтением. Я любил читать Жюль Верна, Майн Рида, Купера, Гоголя. Я читал журнал «Родник»³⁷, и повесть «Серебряные [...]» произвела на меня сильное впечатление. В нем было очень много детского, наивного романтизма, к которому долгое время тянулась моя душа. Я много читал исторических книг, и больше всего про «Унию», которую я себе представлял в православном освещении³⁸. Этим было положено начало моему знакомству с историей Белоруссии, над которой я так много и долго работал впоследствии. Я не был религиозным мальчиком. Я ходил в гимназическую церковь на всенощные и обедню и с большим удовольствием заходил в костел и слушал орган, звуки которого раньше мне не были известны.

До поступления в гимназию я не имел никакого понятия о «половых вопросах». Рождение 2 октября брата Василия меня заинтересовало. Я поставил вопрос, откуда взялся ребенок-брат, и получил обычный в то время ответ и успокоился. Но скоро гимназия меня просветила. Я узнал многое. Будучи в первом классе, я был близок с товарищем 3-м [Копустинским] и другими. Один раз мои товарищи были очень взволнованы и рассказали, что вчера 3. был в доме с «красным фонарем», и тут были мне рассказаны все подробности половых отношений. 3. себя чувствовал героем. Я испытывал какую-то гадливость и, к счастью, этот инцидент не волновал моего воображения, и у меня не появилось, как у других товарищей, желание пойти туда, куда ходил 3. Я не рассказал об этом своей матери, но тайна появления моего брата Василия была раскрыта. С легендами об аистах было покончено. Я стал проводить более отчетливо разницу между девочками и мальчиками.

Познакомился я в Витебске с проявлением и дикого антисемитизма со стороны моих товарищей, что крайне возмутило меня и часть моих товарищей. Во время праздника суккор все евреи проводят дни в палатках³⁹. Гимназисты, проходя мимо после уроков, стали бросать камни. Евреи выбежали и побежали за ними, но догнать хулиганов не удалось. Потом они гордились своим поступком, но большая часть класса отнеслась к ним недоброжелательно. Зато одобрил их поведение А. П. Сапунов⁴⁰, известный антисемит, поддерживавший антисемитские настроения в учащейся молодежи. С ним я встречался позднее в Москве, и для меня непонятно, как он очутился в качестве пенсионера советского правительства.

Витебская гимназия не оставила во мне неприятного впечатления. Я учился средне: хорошо успевал по рус. языку и латыни, Закону Божьему, но хромал по арифметике, да не давалось мне рисование, не было в моей душе «огня» искусства.

Бросилось мне в глаза обилие евреев. Всюду они на работе: и каменщики, и водовозы, и плотники, и очистители нечистот. Было ясно для всякого, что еврей в Витебске, в своем громадном большинстве, — бедняк, не чуждающийся никакого труда. Особенно сильно меня поразило то, что еврейки сидят зимой за лотками, продают яблоки, маковники, держа постоянно над горячими углями свои изящные руки или покрывая их своим платьем для согревания своего тела. Я обратился к матери с недоуменным вопросом, почему в Полтаве этого нет. Мать ответила, что в Витебске много евреев, жить трудно, поэтому евреи должны браться за всякую работу, лишь бы только кое-как существовать. Правда, среди евреев есть и богатые, но их в Витебске немного. Кругом все беднота. Слова матери произвели на меня известное впечатление. Я стал сближаться с еврейскими ребятишками, свел дружбу с водовозами и ездил с ними на быке за водой к самой Двине. Ехать на быке было для меня верхом наслаждения, пока не увидело это гимназическое начальство и не пожаловалось отцу, запретившему мне это большое детское удовольствие. Тогда я прочел описание Витебской губернии, где познакомился с национальным составом населения Витебской губернии и его бытом. Здесь были и статьи Н. Я. Никифоровского, как я потом убедился.

Одно короткое белорусское лето мы прожили около Витебска в деревне [Селюта]. Это было тем удобно, что всего было 10 верст по превосходному оршанскому шоссе, по которому ходили дилижансы, о которых, естественно, я раньше не имел никакого понятия, и отец мог часто приезжать из города. Сыро и холодно было в Белоруссии. Все больше дождь и мало солнца, что особенно бросалось в глаза после горячего украинского солнца. Грязь в белорусской хатенке по сравнению с украинской чистотой бросалась в глаза. Особенно меня поразило вывоз навоза в поле для удобрения. Украинский чернозем в этом не нуждался. Я с удовольствием принимал участие в этом деревенском празднике — вывозе навоза. Для меня это был большой праздник, так как вывозом в поле занимались детишки. Еще большее удовольствие — это езда верхом на водопой. Это была большая радость. Я был близок к своим деревенским товарищам, и они любили меня. Слова «панночек» я от них не слышал никогда, да и мать никогда не была «пани». И униженные женщины постоянно толпились около матери со своими скорбями, и мать, чем могла, помогала: и советом, и лекарством, и денежно, и каким-нибудь детским платьем. Мать, выросшая на Украине в украинофильской семье мелкого чиновника, другой быть не могла. Она служила для нас примером. Мы не были знакомы с детьми соседского помещика. И мать не позволяла знакомиться, да и тяготения у нас не было. С большой радостью я вспоминаю ловлю раков на реке Лучосе с лучиной⁴¹. Река неглубокая, по колено воды. Раки заворачивались в речной тине [...] и вылезали на огонь. Тогда мы их и ловили. Иногда раки показывали свои клешни и причиняли боль, но это были пустяки по сравнению с тем удовольствием, которое я испытывал от ночной ловли раков. Дожди заставили меня рано покинуть [Селюту], и я не успел вдоволь накушаться наливных яблочек.

Я очень рад, что я много работал по истории белорусского крестьянства. Это дань воспоминаниям детства, которое я мог постепенно осмыслить. Многие не понимали моего интереса к аграрной и революционной истории белорусского крестьянства. Другое лето мы остались в городе, но я и мои сестры наезжали в деревню в 10 верстах за станцией «Городок», где мы жили в семье /Боровских/, священника Духовной семинарии, и где я спал на сеновале⁴². Правда, в первую ночь меня уложили на какой-то жесткий диван, но ночью я был вынужден лечь на пол, ибо голодные клопы меня атаковали, а с этим несносным зверьем я на Украине не был знаком. Тут я познакомился со своеобразной личностью — отцом [Рылло]. Страстный рыболов, охотник и [...] рассказчик, он привлекал к себе всех простотой и сердечным отношением. Вдовец, не имевший детей, жил постоянно в семье сестры, помогая воспитывать и

выращивать ее детей. Один раз [Рылло] взял меня на рыбную ловлю. Десять верст мы прошли ночью пешком. Потом отъехали на середину большого озера и, опустив камень вместо якоря, стали ловить рыбу удочками. Я не испытал ни малейшего удовольствия. При каждом шорохе Р. кричал, что я беспокою рыбу, и я скоро успокаивался. Рыбы он наловил много. Вернулся домой очень довольный, зато я больше никогда не занимался рыбной ловлей на озере — довольно с меня. И все-таки я любил его. Страстный белорус, он много мне дал сведений о Белоруссии, которые были потом забыты и опять пришли на память, когда я стал заниматься серьезно историей культуры Белоруссии. [Рылло] был моим учителем в полном смысле этого слова. Любил Р. рассказывать анекдоты о польских ксендзах, что несколько не мешало быть ему в добрых с ними отношениях и поигрывать в преферанс или винт, до которых Р. был большой охотник. Любил я на обратных почтовых ехать по шоссе домой, но обязательно слезть, не доезжая до города, около шлагбаума. Разумеется, и здесь я не был знаком с помещичьими семьями. Их называли [чуждыми]. Впрочем, они меня и не интересовали, и меня не тянуло в общество «панских детей». Пребывание в Витебской губернии познакомило меня с другим миром по сравнению с тем, с каким я был знаком на Украине. Оно расширило мой кругозор и заставило задумываться над вопросами, о которых я раньше не имел никакого понятия.

Жизнь в Витебске была для всей нашей семьи «трагедией». Мы не привыкли к сырому климату, весьма переменчивому, и, безусловно, он содействовал ускоренной смерти брата. Кумыс в Славуте помог брату. За год брат стал чувствовать [себя] хуже. Ни на минуту, однако, не бросил своих занятий, одновременно занимаясь разгадыванием шахматных, шашечных и разных шарад, решать которые он был большой мастер. Летом 1889 г. мой брат отправился на кумыс в Оренбургские степи. Лето было неудачное. Было холодно, в особенности по ночам, и брат вернулся домой, несколько не поправившись. Прошло несколько месяцев, и 23 ноября брат скончался. Я вспоминаю, как я после всенощной пришел из гимназической церкви домой и увидел лежащего на столе брата, рыдающего отца и мать. Это впечатление усилилось еще тем, что отец почти не мог видеть меня, и я, забытый, как «зверенок», должен был стоять в уголке, перенося свое горе, а оно было у меня большое. Я любил нежно своего страдальца-брата и я прекрасно понимал, чем я обязан ему, ибо, в сущности, никто мною не интересовался. У матери был ребенок и горе потери любимого сына. Я был предоставлен самому себе и стал еще более пугливым и замкнутым, чем был раньше. Сестры были старше меня. Они жили своим миром, своими интересами. Им было не до меня.

Зато я нашел товарищей в лице двух девочек, моих однолеток, Лены и Оли, с которыми быстро подружился, и с которыми весной и летом 1890 г. я много гулял за городом. Моим прогулкам никто не мешал. Мать была о них осведомлена, и я часто потом вспоминал милых Лену и Олю, которые отучили меня дичиться благодаря своей ласке, приветливости. Так проходила жизнь в Витебске, грустная, печальная, с множеством новых впечатлений, когда в конце августа было получено известие о переводе отца в Полтаву, что все мы приняли с радостью.

Месяц сборов, отправка вещей, прощание с дорогой могилой, которую я посетил потом несколько раз, а в последний раз — в 1926 г., и 23 сентября 1890 г. в отдельном вагоне третьего класса мы поехали до Орла, провожаемые множеством народа до первой станции. Я помню это путешествие, с пересадками, длинными остановками, а главное — с ранним снегом. 27 сентября, когда мы приехали в Полтаву и поселились временно в квартире матери Андриевской, бывшей собственницей небольшого домика на той же Колониальной улице. Полтава была вся в снегу. Правда, снег скоро растаял. Образовалась невылазная грязь, не успевшая высохнуть под лучами украинского, осеннего солнца. Снова в Полтаве, новые лица, новые товарищи и преподаватели. Наступил новый полтавский период в моей жизни. Здесь протекли мои отроческие и юношеские годы. Здесь я окончил гимназию, доставив своим окончанием своему отцу немало огорчения.

Полтавская гимназия

В начале октября я поступил во второй класс Полтавской гимназии. Сразу выяснилось, что я отстал по всем предметам и должен был догонять. Я восполнил пропущенное по всем предметам, за исключением арифметики и немецкого языка. Многое в арифметике я не понимал, и мне она давалась с трудом, несмотря на блестящее преподавание [Чехлатова]. В немецком языке я так отстал, что должен был отказаться от изучения второго языка, хотя мне и не хотелось этого делать. Но помочь мне никто не мог, так как сестры не были знакомы с языком. Пришлось с грустью подчиниться необходимости. Только на университетской скамье пришлось изучать немецкий язык прямо с самого начала под руководством лектора немецкого языка Вельма, в общем малограмотного и [...] преподавателя⁴³. Я встретил в гимназии много славных товарищей, с которыми провел я гимназические годы. Не раз они спасали меня от разных математических затруднений, которые для многих из них никаких трудностей не представляли. Вспоминаю я своего друга Володю [Трипольского], застрелившегося по непонятным для меня причинам на 1 курсе Технологического института в Петербурге; Фролова, Нестерова и других, с которыми мы делили наши гимназические радости и горести и которые незаметно оказывали влияние на мой умственный интерес, на мой общественно-политический кругозор. Самым даровитым был М. Фролов. Все ему давалось легко, прямо-таки шутя. Самые трудные задачи из задачника Верещагина, для меня очень замысловатые и требовавшие большого умственного и физического напряжения, ему давались легко. Он был большой знаток старых и новых языков, прекрасно владел русским языком и обладал изящным слогом. Это был избранный, отмеченный талантливостью юноша, и таким он был в течение всей гимназической учебы.

Много было нелепого в постановке учебного дела в Полтавской гимназии, но все же было немало талантливых преподавателей, которые меня многому научили. Директор гимназии был чудак, едва ли нормальный, Иван Дмитриевич Марков, страшно боявшийся свежего воздуха и опасавшийся, как бы мы не простудились. Вот почему нас пускали гулять в лесу только в мае, и большую часть года мы сидели с запертыми окнами, когда мы дома в октябре гуляли без пальто. Но тот же Марков начался книг об аденоидах, на которые тогда стали обращать внимание, вечно говорил о них, советовал пойти к доктору. И не без его настойчивых указаний немало товарищей перебивали у новых специалистов по горловым и ушным болезням и освободились от недостатков в носоглоточной сфере, так влиявших отрицательно на развитие умственных способностей. Я был свидетелем прямого умственного воскрешения мальчиков, которые, казалось, безнадежно умственно отстали. Небольшие операции в носу и горле, удалялся вредный нарост, и мальчик становился нормальным. Одна мать даже выразилась так: «Не понимаю, что сделалось с моим Колюшкой, он стал совсем другим, живой, всем интересуется, всем с увлечением занимается». При отсутствии в гимназии всякой медицинской помощи любительские наставления чудака-директора даром не прошли. Сам директор преподавал географию политическую, согласно тамошним планам. Надо сказать, что мы прекрасно знали карту всемирную и всех европейских стран, расположение больших политических центров, крепостей. Мы могли объехать весь земной шар, заходя во все порты, пересекая океаны, останавливаясь у островов, не глядя на карту. Признаюсь, это легко всем давалось, и знание политической карты Европы, известную географическую сообразительность я приобрел от Маркова. Ведь тогда географию преподавали историки. Естественно, не требовалось [...] для преподавания географии.

Много чудачеств было у нашего директора, к которым мы, гимназисты, относились с добродушием. Формалист до мозга костей, М. не нарушал этих формальностей и тогда, когда глупость их была очевидна. Так, в Полтаве обычно, когда зимой было 20 градусов мороза и вывешивался флаг на каланче, в школе тогда не бывало занятий из-за холодной погоды. Тем

не менее почти все гимназисты бывали в гимназии, ибо каланча находилась в центре города. Озябшие, иногда издалека мы приходили в гимназию, но она оказывалась закрытой, и нас не пускали даже погреться. Мы скоренько бежали домой, бросали, где попало, свои ненавистные ранцы и отправлялись на каток, тем более что мороз, для Полтавы значительный, на несколько градусов уменьшался через несколько часов. Мы радовались этим морозам, ибо все-таки на денек-другой освобождались от гимназической учебы. Не любил наш директор разговаривать лично с гимназистами. Надо было подавать письменные записки. Будучи в 7 классе гимназии, я раз собрался пойти первый раз в оперу с матерью и написал соответствующее заявление. В ответ на него я получил следующее заявление: «Господин министр и я не советуем в будние дни посещать театр». Я не понял запретительного характера этой резолюции и отправился в театр послушать «Евгения Онегина». На другой день я был позван к директору, встретившему меня с подобным нравоучением: «Разве Вы не знаете, что совет директора — есть не что иное, как приказание»; и за неисполнение этого приказания я был отправлен после уроков на два часа во французский класс. Директор любил часто поговаривать, оставляя кого-нибудь после уроков: «Иди, иди ты, ангел мой, во французский класс, а не домой». Правда, товарищи моментально покупали французскую булку и четверть фунта превосходной чайной колбасы. Голод был утолен, и обычно эти два часа невольного одинокого заключения посвящались сну, при возвращении домой ранец отдавался служителю — другу Черномору, так что возвращение домой было обычной прогулкой.

Особенно часто нас наказывали за пропуск всенощной. После уроков, в 3 часа, снова идти на всенощную было тяжело, и мы отлынивали или опаздывали. В понедельник наступала расплата, а в конце четверти уменьшение балла по поведению. В весенние и летние дни, разумеется, хотелось больше гулять, но только до сумерек. Мой товарищ был наказан карцером за то, что был остановлен вечером на улице в девять часов, когда он шел в аптеку за лекарством для больной матери. Впрочем, это правило распространялось только на время учебы. Во время каникул нас не ловили. Когда, гуляя, мы видели фигуру директора с шатающейся головой, мы моментально бросались во двор присутственных мест, кадетского корпуса, частных домов, лишь бы только не встретиться с директором, ибо можно было с прогулки немедленно отправиться на продолжительное время во французский класс. Нам запрещали гулять толпами, идти со знакомыми гимназистками в расстегнутом пальто, нести ранец в руках, а не на спине. Мы должны были раскланиваться с губернатором, никогда не видя его раньше. Особенно это было комично с новыми губернаторами, неожиданно появившимися на улице. Мы их не знали и не здоровались с ними, а они жаловались директору. В мои ученические годы (1890—1897) губернаторы еще дерзали выходить на улицу и гулять. После волнений 1902 г. эти прогулки на свежем воздухе, естественно, прекратились. Один раз я был позван к директору в кабинет, и пришел «в святые святых» с трепетом и волнением. Оказалось, директор хотел узнать, как моя мать готовит турецкий кофе, и просил принести рецепт. Пришлось дома приставать к матери, пока я не получил рецепт. Не знаю, пил ли Иван Дмитриевич кофе по методу моей матери, а скажу от себя, что мать моя была большая искусница в этом отношении. Отец пил только кофе, а за ним и я с молодых годов пристрастился к этому замечательнейшему напитку.

Еще несколько фактов для того, чтобы полностью представить нашего директора. Как-то раз группа товарищей 7 класса пошла на пари, что она сорвет ночью десяток почтовых ящиков. Полиция немедленно донесла директору о поступке его гимназистов, на что последний ответил решительным тоном, что его «гимназисты» этого сделать не могут. На другой день, не произведя никакого расследования, хорошо сознавая бесполезность этого, оставил после уроков на несколько часов весь класс, не исключая и тех, кто живет за городом или на ученических квартирах, что не давало им возможности отсутствовать. Добрый Черномор раздобыл хлеба с колбасой. Голод был удовлетворен, а в остальное время общими усилиями

были выучены уроки и решены все задачи. Этим все и окончилось. Насколько гимназисты боялись своего начальства и были им загипнотизированы — показателем может служить следующий инцидент. Два гимназиста вместо гимназии отправились погулять в соседний монастырский лес и в чудесный благоухающий майский денек расположились в лесу на траве около дороги. Вдруг они увидели директора, спускавшегося с горы и направлявшегося в монастырь для посещения больного викария [...]. Расстояние было большое. Легче было взобраться на гору и скрыться в монастырском лесу, но зачарованные появлением начальства гимназисты остались на своих местах и, покоровшись судьбе, ожидали приезда директора, немедленно посадившего их на извозчика и привезшего их в гимназию с тем, чтобы после уроков отправить их во французский класс. Можно привести тысячу рассказов, характеризующих постоянную борьбу с начальством. Но и сказанное в основном характеризует довольно отчетливо И. Д. Маркова. Говорили, что до получения своего поста директора он сидел в больнице для умалишенных. Впрочем, не верю, не знаю, но что в действительности директор был немного психически ненормальным, это верно.

Для общей характеристики еще один рассказ. Будучи студентом второго курса историко-филологического факультета Московского университета, я был приглашен зайти к нему по одному делу. Я, конечно, пришел. Оказалось, что ему были нужны литографированные лекции Ключевского⁴⁴, и он просил меня их раздобыть, предоставляя в мое распоряжение 10 рублей. Его просьба была выполнена. За пять рублей экземпляр лекций был куплен и отослан к нему. Через год при новой встрече М. сказал, удивляясь, как умный человек, каким является Ключевский, может писать такие глупые вещи. Я не знаю, на что намекал мой почтенный директор. Вероятно, его совесть смутили знаменитые характеристики разных «чудес», сидевших на русском престоле, создавшие Ключевскому широкую рекламу, но впоследствии он отказался от своих характеристик, прибавив, что ему неведомы источники происхождения его лекций. Это чепуха. То, что было в студенческих лекциях, полностью отвечает курсу Ключевского. Я сам на втором курсе слышал характеристики «чудес», почти дословно повторявшие то, что было записано в студенческих лекциях.

В Полтавской гимназии было немало прекрасных преподавателей, в особенности по математике [Чехлатов, Андрияшев] и по древним языкам. [Чехлатов] превосходно все объяснял. [Андрияшев] заикался, но любил свой предмет и старался передать нам знания по математике. Мы хорошо усвоили геометрию и алгебру, а также тригонометрию. Мы были в курсе формул Гюльдена по теме вращения и свободно решали сложные тригонометрические задачи по теме вращения⁴⁵. Раз в две недели в 8 классе он устраивал трехчасовые письменные классные работы, и все мы справлялись с этой задачей, тем более что сам А. иногда указывал промашки или, если задача не выходила, указывал путь решения задачи. Я многим обязан [Андрияшеву]. Я вынес из гимназии хорошие знания по математике и потом, будучи студентом — не математиком, я мог свободно заниматься с учениками старших классов, а в 1919—1920 гг. и со своим сыном.

В девяностых годах классицизм стал постепенно умирать. Общее количество уроков по древним языкам было уменьшено. Меньше стали душить грамматикой, хотя [...] продолжало существовать. Обращалось больше внимания на культуру древнего мира. В этом отношении наиболее удовлетворял К. А. Поплавский, требовавший от нас в конце каждой четверти знание текста и знание так называемых реалий. Как ни примитивно это преподносилось, весь античный мир становился нам более знакомым, хотя вообще ко всему древнему у большинства класса чувствовалась большая антипатия. Плохо обстояло дело с историей и литературой. Тут мы не знали ни одного лишнего слова по сравнению с тем, что было написано в учебнике. На уроках истории и литературы мы не слышали никогда живого слова. Царил дух мертвечины. Только Вл. Л. Василевский давал нам сочинения по истории, рекомендовал чтение доступных нам книг и источников. Я, таким образом, мог познакомиться довольно

подробно с немецким гуманизмом. Но, живя на Украине, мы на уроках не слыхали о ней ни одного слова, кроме Хмельницкого и Мазепы, представленных в стиле Иловайского⁴⁶. Но интерес к родной стороне у нас был. Мы читали «Киевскую старину»⁴⁷, почитывали отдельные сообщения местного историка И. Ф. Павловского⁴⁸ в Полтавских губернских ведомостях, мы интересовались украинской этнографией и фольклором, хорошо были знакомы с Шевченко, со всеми его стихотворениями, в том числе и запрещенными. Но это изучение Украины произошло мимо гимназии и наших преподавателей, в своем большинстве не украинцев, а великороссов [...], часто смеявшихся над синтаксической неправильностью нашей русской речи (смеяться за кем, смеяться с кого, постить, гуляю сам и пр.). Впрочем, это нас не исправляло. Все так говорили вокруг нас, и у нас не было никакого желания тянуться к правильному русскому языку. Украинский народный язык был для части школьников ближе, доступнее, и более приятен сердцу и уму, чем русский.

Изучение истории и русской литературы сосредоточилось на изучении старины — древностей. Мы заканчивали русскую литературу Пушкиным, а русскую историю — кратким обзором событий XIX в. Мы не слышали ни одного слова о декабристах, петрашевцах, народниках. О петрашевцах мы узнали только потому, что петрашевец Д. А. Ахшарумов жил в Полтаве⁴⁹. Наши исторические сведения были слабы и недостаточны. Лучше мы знали историю античного мира, да и только потому, что в это время был выпущен в оборот учебник Виноградова, для своего времени свежий и достаточно прогрессивный⁵⁰. Конечно, постановка учебного дела в Полтавской гимназии была не хуже, чем в других школах того времени. Не было особой официальщины, хорошо обучали математике. Комично, что опыты по физике продемонстрировались сразу за один сеанс, причем почти ни один не удался, хотя в гимназии был хороший физический кабинет. Впрочем, может быть мы сами виноваты. Преподавателем физики был добряк [Грушевич И. П]. У него на уроках и в кабинете был вечный шум, это стесняло его и мешало ему преподавать. Он не мог органически поддерживать классную дисциплину, но он никогда не обращался к помощи посторонних лиц. Мы это ценили, и когда шум выходил за пределы допустимого, мы сами наводили необходимый порядок, поддерживали классную дисциплину. Мы относились к нему с большим уважением, тем более что он был очень знающий физик, автор нескольких работ по физике, а это нам всегда импонировало.

Учебный год был необыкновенно длинным, с 20 августа по конец июня, так как в июне при полтавской жаре традиционно происходили экзамены. Обычно самые тяжелые экзамены приходились на четвертый класс, когда приходилось держать экзамены за четыре года. Многие не выдерживали экзаменов, оставались на второй год, уходили из гимназии, заболели. Навалить в одну кучу бездну экзаменов в период начавшейся половой зрелости, когда происходит известная остановка с развитием духовных сил ребенка, это, конечно, педагогическая глупость, от которой гибло немало способных мальчиков, невольно подломивших свой организм. Переходные экзамены из класса в класс были легче. Они не требовали особенной подготовки, но все мы теряли в весе и физически утомлялись, когда нас тянуло на воздух, в поле, к реке. Только в седьмом классе не было экзаменов. Это был год коронации⁵¹. Мы мало интересовались последним обстоятельством, но нам доставляло радость, что в мае много дней не было занятий и не было переходных экзаменов, в частности по физике, которую, в общем, мы мало знали и, за небольшим исключением, мало разбирались. Были в классе выдающиеся математики и физики. Это были обычно те, кто собирался поступать в университет на физико-математический факультет. Зато пришлось держать экзамены на аттестат зрелости, правда, не столь трудный, как это было в 1887 г., когда оканчивал гимназию мой покойный брат, но все же заставивший поволноваться и много поработать по отдельным предметам.

Экзамен на аттестат зрелости состоял из письменных и устных экзаменов. Письменные экзамены были следующие: сочинение по русскому языку, перевод с латинского и греческо-

го языков, письменная работа по алгебре, геометрии и тригонометрии. Устные экзамены по всем предметам гимназического курса восьмого класса с чтением классиков, латинских и греческих, [...]. Письменные экзамены обставляли с величайшей торжественностью. Все было казенное. На бумаге печать гимназии. Весь экзамен обставлялся большими формальностями с тем, чтобы не допустить никакого обмана. Даже в уборную мы выходили с преподавателем. Но все же все мероприятия оказались напрасными. Мы знали тысячи способов передать перевод с древнего автора, сообщить решение задачи. Под носом у директора передавались необходимые сведения и спасались тонувшие. Благодаря этому все письменные работы были удовлетворительны, а устные экзамены не представляли особых трудностей, за исключением переводов [...] латинских и греческих прозаиков и поэтов. Надо признать, что темы, присылаемые из округа, в общем, были нетрудные. Сочинение было дано на тему «Сила оружия и сила знаний». Написать схоластично логическую работу в течение пяти часов было нетрудно. К несчастью, письменный экзамен по математике пришлось держать вторично, после окончания всех устных экзаменов, в половине июня, когда нервное напряжение достигло крайности. Известно, что темы давались одни и те же на весь округ в целях сравнения подготовки и оценки степени годности самих преподавателей. Абитуриенты гимназий напрягали все умение, чтобы выкрасть темы в момент печатания их на литографе⁵². Деньги для этого собирались со всего округа. Мы не платили ни копейки, но за несколько минут до начала экзамена по алгебре в наших руках были предложенные задачи, использовать которые мы не имели возможности. Ввиду того что темы были выкрадены, премудрое окружное начальство заставило снова пережить пытку. Эти письменные экзамены были тяжелее по сравнению с первыми, да и по смыслу задачи по алгебре и тригонометрии были много труднее. Округ мстил гимназистам за покупку окружной темы.

Я сдавал экзамены на аттестат зрелости без особого труда. Но много волнений доставил греческий язык, который, между прочим, я знал превосходно. Но с преподавателем [Мышковским] я был в более чем прохладных отношениях. Дело в том, что этот молодой преподаватель, только что окончивший Киевский университет, хотел общаться с нами и держать себя по-товарищески. Мы пошли на это, и в разговорах о преподавателях рассказали много лишнего, что и было передано им на педагогическом совете. Простить этого предательства мы не могли. Так как при переводе речи Демосфена выяснилась известная слабость М. в неправильных глаголах и греческом синтаксисе, что я знал превосходно, то каждый урок мною предлагались заковыристые для преподавателя вопросы, на которые мы или не получали ответа, или получали совершенно неверный. Я же приходил на урок всегда достаточно подготовленный. Готовиться к экзамену мне не приходилось. Грамматику и синтаксис я знал, в удачном переводе [...] я не сомневался. Накануне экзамена я пошел в театр, где играла труппа Московского Малого театра с Южиным⁵³ и Федотовой⁵⁴, бывшей в расцвете своего таланта. Ставили «Василису Мелентьеву»⁵⁵ с Южиным в роли Грозного и Федотовой в роли Василисы. Я вышел из театра очумелым. И в дивную июньскую ночь, зачарованный и вдохновленный игрой артистов и очарованием лунной, ослепительной яркой ночи, я ушел за город и долго скитался в полтавской степи, охваченный внутренним волнением и жаром. Мало спал и утомленный пошел держать экзамен на аттестат зрелости. Я был вызван первым, но в течение целых полутора часов я не понимал ни слова в тексте Геродота⁵⁶ и Гомера⁵⁷. Я жил спектаклем, накануне вдохнувшим в меня новую жизнь и растравившим во мне новые чувства и переживания.

[Мышковский] издевался надо мной, предлагая помочь мне разобраться в сравнительно легком тексте. Но я не слышал ни одного слова. Я был занят другим. И только тогда, когда директор нашел подготовку достаточной, я пришел в себя. Читая медленно гекзаметр Гомера, а потом прозу Геродота, я успокоился и легко проник в смысл читаемого, не сделав ни одной ошибки. Сделав всевозможный грамматический и синтаксический комментарий, я вышел

победителем. Мой враг был смущен неожиданным исходом, но победа досталась дорогой ценой. Выйдя в сад, я от усталости и напряжения потерял сознание. Придя в себя, я помчался за билетом в надежде получить новые художественные впечатления, но оказалось, что «Василиса М.» был последний спектакль, и я с грустью отправился домой. Так я впервые познакомился с Московским Малым театром, который я потом полюбил и который для моего общественного и художественного развития имел большое значение. После греческого экзамена не было уже никаких неожиданностей на других экзаменах. Я получил аттестат зрелости, но у меня не было медали, чем я доставил большое неудовольствие отцу, ибо все его дочери и старший покойный брат получили золотые медали. Неудовольствие отца в сущности меня мало беспокоило. Я окончил гимназию, и передо мной открывалась новая жизнь. Приходилось думать о факультете и об университете.

Вот теперь надо вернуться к самому себе и вспомнить, что я собой представлял в гимназии, каков был мой духовный облик, каковы были мои интересы. Учеба в гимназии мне не была трудна. Я легко преодолевал все предметы, за исключением арифметики. Третий класс был для меня сплошной трагедией с его сложным тройным правилом счета. В сущности, я овладел им и понял его лишь тогда, когда я прошел курс алгебры. Древние языки давались легко, и я довольно скоро овладевал и [...] греческой и латинской грамматикой, и синтаксисом. Впрочем, я предпочитал писать «[...]» с русского на греческий, а не на латинский. Уроков на дом задавалось много. Если готовить все уроки, самому выбирать слова, переписывать переводы и задачи, то на это уходило четыре часа в день. Особенно были тяжелы подготовки по математике: решить несколько задач, переписать их начисто да еще с объяснениями — это стоило многого, но это было неплохо: приучало к аккуратности. Иногда я целыми часами бился над решением какой-нибудь сложной арифметической задачи, и когда ничего не выходило, обращался к сестре Соне за помощью, в которой никогда не было отказа. В 7 и 8 классе я не был аккуратен в своих занятиях, за исключением математики, которую я все-таки очень любил, в особенности тригонометрию за ее удивительную красоту и гармонию. В старших классах мне надоело искать в словаре слова, и я прибегал к помощи подручника, в отношении переводов удивительно топорного, а подчас и малограмотного, но зато имевшего при себе словарик к каждой главе. Не без охоты я писал сочинения на разного рода литературные темы. Немало работ я написал своему младшему брату, а также некоторым подругам-гимназисткам, освобождая их от необходимости поработать, когда не хотелось работать. Это, конечно, был невинный ученический обман, ввевшийся в плоть и кровь, и мы ему не придавали никакого значения. Мне становилось смешно, когда то мой брат стал писать все лучше и лучше сочинения, то Леля З. показала превосходное знакомство и понимание текста «Слова о полку Игореве»⁵⁸, когда работа была написана мной по просьбе равнодушного к ней товарища.

Собираясь он вместе с Лелей З. пойти на какой-то домашний вечер, но Леля, вспомнив, что ей надо писать сочинение, отказалась и тем доставила моему другу немало огорчения. В обращении ко мне был найден выход. Злосчастное сочинение было написано в одну ночь, и утром, после вечеринки, Леля переписала его, наделав при этом немало грамматических ошибок, в которых я был неповинен.

В 1906 г. по дороге из Петербурга в Кенигсберг⁵⁹, около Пскова, вошла в вагон молодая дама с двумя симпатичными детьми. Присмотревшись друг к другу (мы не виделись с 1896 г.), мы узнали друг друга и радостно болтали, вспоминая молодость, увлечения, катания на лодках. В Пскове она вышла, и больше мы не виделись. Славная, симпатичная Леля, удивлявшая всех своей красотой и своими удивительными карими глазами. Я не был в числе поклонников Лели З., но я считал своим долгом исполнить всякую просьбу относительно сочинения, когда другой товарищ, питавший к ней более глубокую сердечную привязанность, решал все математические задачи. Думаю, что Л. мало вынесла из гимназии. Даже при окончании гимназии за нее было написано сочинение и решены задачи, и, очень искусно вложенные в

булку в виде бутерброда, были поданы ей в качестве завтрака. Конечно, служитель знал особенную ценность этого завтрака, и можно было быть совершенно спокойным в том, что здесь обмана не будет. В войне с учителями и гимназией нижний технический персонал был на нашей стороне.

Я исправно отбывал школьную учебу, но я много читал. Я был хорошо знаком с русской и иностранной литературой, увлекался Шекспиром⁶⁰ и Шиллером⁶¹, а из русских писателей я любил в особенности Тургенева⁶². Колоссально сильное впечатление произвел на меня Толстой своим «Воскресением», которое печаталось в «Ниве» за 1889 г. Уже тогда до меня доходили смутные слухи о толстовстве⁶³, смысл которого я улавливал из разговоров отдельных лиц. Я увлекался критиками Писаревым⁶⁴ и Добролюбовым⁶⁵, но Белинский⁶⁶ меня не трогал, и его многоречивость я едва переносил. Я покупал биографическую библиотеку Павленкова и имел возможность познакомиться с биографиями многих выдающихся деятелей и ученых⁶⁷. Я любил чтение исторических книг. Меня особенно увлекал Костомаров⁶⁸, но после последнего чтение занимательной трилогии Сенкевича⁶⁹, в которой так много национально-шовинистического, несмотря на весь блеск изложения, было неприятно. Я любил читать разные исторические романы, гонясь за интересной фабулой, а не точностью исторических фактов, и одолел их большое количество. Но я читал и исторические журналы: «Русскую старину»⁷⁰, «Исторический вестник»⁷¹, заглядывал иногда в «Журнал Министерства народного просвещения»⁷² и почитывал там отдельные исследования. Мать приохотила к чтению толстых журналов. Она обычно брала из библиотеки «Вестник Европы»⁷³ и «Русскую мысль»⁷⁴, и мы с нею прочитывали не только беллетристику, но и другие статьи, вплоть до внутренних и внешних обозрений, в которых, надо признаться, я и мать разбирались плоховато. Недоставало необходимых исторических сведений, не было достаточного и общественно-политического развития.

Приходилось почитывать и «Русское обозрение»⁷⁵, которое приносил с собой отец. А также «Вопросы философии и психологии»⁷⁶, отдельные статьи в которых я превосходно понимал, и которые имели большое значение для развития моего абстрактного мышления. Но, при всем своем желании, я не стал абстрактным мыслителем. Я всегда интересовался книгами и работами, насыщенными конкретностью. Немало прочел и духовных журналов, среди которых «Труды Киевской Духовной академии» полюбились мне. Здесь было много статей о религиозно-общественном движении на Украине, и я с удовольствием прочитывал эти статьи.

Я приобрел много разных сведений, но мне не с кем было поговорить, побеседовать. Я был далек от отца, а, в сущности, он единственный мог прийти мне на помощь. Впрочем, все это чтение, хотя и не систематическое, все же оказало на меня большое влияние. Я был хорошо знаком с некоторыми сторонами украинской прошлой жизни, хотя и односторонне освещенной. С малых лет я пристрастился к чтению газет. Сначала это были «Полтавские губернские ведомости» [...], издание, где много давалось местного материала, потом стал читать и другие газеты. Я каждый день ходил в кабинет для чтения одной частной библиотеки, где читал одесские, киевские и харьковские газеты, собирал множество сведений, но недостаточно разбирался в их направлении. Больше всего я любил читать фельетоны, критические обзоры, обзоры журналов, разные сведения театрального характера, ибо любовь к театру выявилась у меня довольно рано. Все это было сумбурно, односторонне, но в таком состоянии находилось и большинство моих соучеников. Одно было у нас общим. Мы были равнодушны к России и любили Малороссию. Было немало у нас лиц, думавших о карьере инженерной, адвокатской. Части из них удалось осуществить свои честолюбивые грезы. Другие — только мечтали, не имея для этого данных. Много в молодые годы ушло в могилу уже на студенческой скамье. Так своеобразно, «самотеком» шло мое развитие. Интерес к книге, ко всякому чтению (я между прочим любил читать и медицинские книги по туберкулезу, нервным болезням) поддерживал мое духовное состояние. Я всегда был с книгами,

с самим собой, ибо с прочими братьями и сестрами (Люба вышла замуж и жила в Витебске) я был очень далек. Застенчивый, болезненно самолюбивый, я жил до 7 класса в одиночестве, изредка бывая у товарищей [Трипольского] и [Богоявленского], посещавших и меня, с которыми мы обычно любили сражаться в преферанс или винт, правда, на чужой счет. Я научился игре в карты самоучкой. Я сидел часто у стола во время игры матери с ее знакомыми и довольно скоро усвоил технику игры. Признаюсь, что любил поигрывать в винт, хотя моя игра была всегда более чем скромная. Но долго играть я не мог. Я быстро уставал.

В последних классах я больше сблизился с товарищами. Целая наша группа объединилась вокруг семьи Фролова, с которым я был очень близок, и где совершенно исчезла и моя робость и застенчивость. Я часто бывал в этой семье, где с подругами сестер товарища мы проводили время, отдавая известную дань молодости и веселью. Я вспоминаю с благодарностью семью Фролова, давшую мне ту радость и бодрость духа, которой я не мог получить дома. Еще была одна семья, с которой я сблизился. Это семья Зелинских, отец в которой был юристом Полтавского земельного банка. Его сын Константин, впоследствии оказавшийся подлецом и шулером, был моим одноклассником, необыкновенно даровитым и способным, но мало работавшим (все больше вращался в полтавском светском дворянском обществе). Я с ним не был дружен. И по характеру, и по привычкам, и по умственным запросам мы были далеки друг от друга. Я был большим другом его сестер Ксении и Кати, в обществе которых я любил проводить время. Это были милые симпатичные девушки. Каждое лето наши семьи, не будучи знакомы, жили в деревне Новые Санжары. Я постоянно бывал у них и обычно оставался у них до конца августа, так как наша семья покидала деревню раньше. Так было в гимназические годы, так было и в студенческие. В темные августовские ночи мы обычно за чашкой чая болтали до поздней ночи, а вставали в полдень: купались, катались на лодке, играли в крокет, готовили обед. После окончания университета я потерял их из виду, но не могу не сказать им и их матери большое спасибо за неизменно доброе и сердечное ко мне отношение.

В Полтавской гимназии я страстно полюбил театр, хотя до 14 лет в театре не был, а устраивали у товарища домашние спектакли. Первой пьесой, которую я видел, была «Сказка о спящей царевне», разыгранная труппой немецких лилипутов. Я не знал языка и ушел из театра, получив только одни внешние впечатления, но важно, что я был в настоящем театре и имел о нем представление. Несмотря на запреты и контроль начальства под угрозой французского класса, я стал постоянным посетителем украинской труппы во главе с Кропивницким⁷⁷, где играла знаменитая Мария Константиновна Заньковецкая⁷⁸ с братьями — Садовским⁷⁹, Саксагонским⁸⁰, Карпенко-Карым⁸¹, при участии на роли старух Затыркевич-Карпинской⁸². Кто жил в Украине, тот знает знаменитый ансамбль этой труппы и имел возможность наслаждаться трагическим талантом Заньковецкой, большим комическим талантом Кропивницкого и Садовского, не говоря о замечательной Затыркевич-Карпинской в роли старух. Я пересмотрел весь трагический и комедийный украинский репертуар, и каждый раз, когда видел в театре Марию Константиновну, я уходил домой под обаянием тех душевных страстей, которые она выражала на сцене. И отвергнутая любовь, и горемычная доля наймички, и матери — [...], имеющей байстрюка, незаконнорожденное дитя. Все прошло перед моим умственным взором, все по-разному, в разных оттенках отразилось в моей душе и моем сердце. Я потом, живя в Москве, имел счастье видеть не раз на сцене Марию Константиновну. Вся эта блестящая труппа была под надзором полиции и была обязана разыгрывать на плохом русском языке водевили. Обычно они ставились перед началом спектакля при пустом зале. Кому это было нужно, один Аллах об этом ведает. Мария Константиновна и Кропивницкий положили начало украинской театральной культуре. Появилось немало новых украинских трупп, часто не только с превосходным танцем и хором, но и артистами. Так, в одной труппе роли драматических героинь — амплуа М. К. Заньковецкой, исполняла [Шостаковская], окончившая Полтавскую женскую гимназию, тогда как Заньковецкая окончила Полтавский институт для

благородных девиц. В будние дни нам запрещалось ходить в театр. В праздник можно было только с родителями. Приходилось всем вертеться, обманывать, чтобы выйти сухим из воды и отсидеть положенное число часов во французском классе, с которым мне в 7 классе гимназии пришлось познакомиться, и отметка по поведению была даже за *одну* четверть уменьшена до трех при почти всех пятерках по другим предметам, за исключением физики. Я, конечно, не имел бы никакой возможности посещать театр, если бы не зарабатывал 10 руб. в месяц одним частным уроком. Обычно деньги уходили на книги, а во время гастролей Заньковецкой — на театр. Но русской драматической труппы я так и не увидел до мая 1897 г., когда приехала в Полтаву труппа Малого театра во главе с А. И. Южиным-Сумбатовым и Г. Н. Федотовой. Я уже писал выше о том сильном впечатлении, которое на меня произвела «Василиса Мелентьева». В 8 классе я впервые услышал оперу в исполнении харьковской труппы, в которой было немало блестящих голосов, впоследствии перешедших на петербургскую сцену — в Мариинский ⁸³ театр. Первой оперой, которую я услышал, был «Евгений Онегин», так и оставшийся моей любимой оперой, которую я мог смотреть сколько угодно раз. Второй оперой была — «Кармен», и по сей день я люблю «Кармен», и в течение года я обязательно смотрел ее несколько раз. Я страстно полюбил театр и стал пробовать себя в любительских спектаклях в деревне Новые Санжары, на даче милой семьи [Трубовичей], и, кажется, выходило недурно. Только после спектакля я чувствовал себя совсем больным.

Я вспоминаю с радостью Любу и Женю и очень им благодарен за неизменное доброе ко мне отношение. Потом я потерял их из виду. Обе вышли замуж. Красавица Люба — за нашего полтавца [Веселовского], а Женя — за какого-то англ. банкира. Люба была удивительно одаренной девушкой. Занимаясь с ней как-то по математике, так как она по болезни кое-что пропустила, я мог убедиться в том, как она легко воспринимает, как ей все легко дается. Я никогда не имел такой талантливой ученицы, с которой надо было дополнительно заниматься. Обычно мои ученики, с которыми я занимался на студенческой скамье, были лица очень тупые. За месяц занятия я получил 10 руб. В сущности, я не хотел брать предложенные мне деньги. Заниматься с Любой было одно наслаждение, и беседа с умной девушкой доставляла одно очарование.

Так проходили мои гимназические годы, но в семье моей было не все благополучно. Я был, в общем, далек от всех, в особенности от отца, и только к матери питал нежную привязанность. Я очень любил моего брата Александра, болевшего несколько раз в год. Вероятно, у него был туберкулез, ибо его легкие постоянно были полны мокроты. При малейшей простуде получалось заболевание с высокой температурой. Каждый год отец возил его в Харьков для анализов на туберкулез, но ничего не находили, никто не догадался выкачать гной. Будучи талантливым студентом-медиком пятого курса, он простудился и в три дня скончался от гангрены легкого. Об этом я узнал из газет и письма отца, полученного потом. Мне почему-то не дали возможности проститься с моим нежно любимым братом. Я любил сестру Соню, холодную, по внешности суровую, но всегда помогавшую мне добрым советом и указанием, а вот с сестрой Еленой мы были постоянными антагонистами. Как-то раз, доведенный до бешеной вспыльчивости, я запустил в сестру находившимся в моих руках томом Шекспира. В сестру он не попал, а, вылетев в окно, ударил по голове [...] одной нашей знакомой, так что легко отделался. Это было в пятом классе гимназии. Я девять месяцев не обмолвился с сестрой ни одним словом, пока ей не пришлось [...] свое мнимо уязвленное самолюбие и извиниться передо мной. Я был страшно рад, ибо быть в ссоре с кем-нибудь я никогда не любил. Я всегда очень страдал от всяких возникавших с кем бы то ни было недоразумений, и был готов искать выхода, примирения, в особенности если я сознавал себя хоть немного виноватым. Не было в нашей семье радости и веселья. У нас редко бывали дети, и мы редко где тогда бывали. Каждый жил своим собственным миром. Только летом в деревне, в Новых Санжарах, на Ворскле ⁸⁴ дышалось легко и свободно. Слишком много было

невинных развлечений, да товарищей — детей хозяйки и соседей — было много. Я всегда был для деревни «Володей» и таким был и тогда, когда через много лет мне пришлось побывать в деревне. Я радостно был встречен уже женатыми и [...] вышедшими замуж девушками, покрывшими свои чудные волосы, расставшимися со своим национальным костюмом и десятками бус на шее и лентами в косе и вынужденными надеть «очипок», признак замужества. Сколько талантливых юношей и девушек погубили свои силы, ибо не было никакого другого выхода. Да, то была молодость, о которой я теперь вспоминаю, сидя в Ленинградском ОДПЗ (Отдельном доме предварительного заключения) и ожидая отправки в Вятку.

Но с отцом я не был дружен и, в сущности, мы взаимно не любили друг друга. Я не переносил деспотизма отца, не любил ему молча во всем подчиняться, часто спорил. Отец не привык к подобным выступлениям. В этой борьбе с отцом я оставался один, никем не поддерживаемый. Потом нежно мать ласкала мою «кудрявую голову», желая успокоить, и как бы выражая своей нежностью свои собственные страдания. Но больше всего отцу не понравилось — это неполучение мною медали. Я не гонялся за ней. Она мне была не нужна. Но честолюбивому отцу, у которого был отмеченный печатью большой даровитости покойный мой брат Константин, было неприятно, и мое окончание гимназии не было встречено радостью, правда, вся семья была в деревне, куда отправился и я и где был встречен и окружен необычайным для меня вниманием со стороны моей дорогой матери. Мы духовно были сродни, мы понимали друг друга. Три случая запомнились мне, когда пришлось принять меры для спасения жизни моих близких. Как-то раз зимой отец был в Харькове, и вдруг в три часа ночи мать разбудила меня, сказав, что она задыхается, и попросила позвать доктора. С матерью случился глубокий сердечный нервный припадок, о чем я раньше не имел никакого представления. Никто не слышал, что было с матерью, и она не позволила никого будить. Я уехал за врачом, милейшим [Н. И. Петровским], разбудил его и привез. Пока я ездил в аптеку, доктор ни на миг не отходил от матери, и к 6 утра все окончилось благополучно. Только утром Соня, Лена и братья узнали о ночной трагедии. Я утром все-таки пошел в гимназию и просидел весь день на уроках, а мои мысли были где-то далеко, витали около моей матери, ибо тень смерти была в нашей квартире, стояла за спиной моей матери. Другой раз сестра Соня заболела [холериной] в сильном виде. Пришлось мне спасать в третий раз, но той ночью я услышал отца, валявшегося на полу от ужасных болей в желудке. С ним тоже была [холерина]. Я разбудил мать, а сам отправился в город за доктором. Все эти случаи не прошли для меня незаметно. Я стал немного ценить себя. Оказалось, что и я могу быть полезным в семье, ко мне можно обратиться, когда нужно.

С матерью мы по-старому мало говорили, но были необыкновенно внимательны. Горе и душевные тяжести сблизили нас. Мое юношеское увлечение гимназисткой Александрой Михайловной [Тимофеевой] было источником сердечной бодрости и духовной радости. Эта любовь, восторженная, наивная, спасла меня от многих неприятностей, от многих бед. Видеть ее была для меня одна радость, гулять с ней — был для меня праздник, но мы были хорошими товарищами. Я никогда не поцеловал ее руки, и никогда мои уста не пригубились к ее губам. Так было лучше, чище. Это была чистейшая романтика. Шура для меня была святыней. Отец боялся, как бы я не женился после окончания гимназии. Масса кумушек следила за мною и сообщала отцу. Я обо всем разговаривал с матерью и сказал ей, что, пока я не буду стоять на своих ногах, я не буду стремиться вступить в брак. Жениться на А. М. после окончания университета не удалось. За последние годы университетской жизни я потерял ее из виду. Она вышла замуж и овдовела в 1920 г. Я искал ее в Полтаве в 1928 г., но трудно было найти, когда старожилы разъехались, а ее новой фамилии я не знал. Спасибо ей за внимание, за ласку, за приветливость. Наши отношения были чисты и прозрачны, и в этой чистоте был источник той духовной близости, которая была между мною и ней. Моя молодость ушла, я в тюрьме и высыпаем. Разбита жизнь всей моей семьи. И она осиротела. Не знаю, имеет ли она детей, которые смогли бы поддержать ее в минуты грусти и душевной тоски.

Каков баланс моей гимназической жизни. Я привык к [...] и постоянному труду. Я могу работать много и долго, в особенности если работа меня увлекла. Я был достаточно начитанным и сведущим в литературе и истории. Украина взрастила во мне любовь к ней и к ее народу, к ее истории, культуре и этнографии. Я мало знал Россию и, в сущности, ею не интересовался, как большинство моих товарищей. В 1896 г. я очутился на Всероссийской выставке, благодаря дешевому тарифу пробыл там целую неделю. Днем я посещал выставку вместе с сестрой, а вечером был в опере, где наслаждался пением молодого, еще никому неведомого Шаляпина. На выставке впервые познакомился с промышленностью и историей техники, в особенности по железнодорожному делу, благодаря экспонатам Николаевской железной дороги.

Особенное впечатление на меня произвел музей экспонатов разных кожных болезней, выставленных Московским университетом. Это был для своего времени образцовый музей, и его экспонаты произвели на меня потрясающее впечатление. Я впервые познакомился со всеми видами сифилиса и других кожных болезней. О некоторых венерических болезнях — мягком [...], триппере мне приходилось слышать от болевших товарищей, но о сифилисе я никогда не слыхал. Я вспоминаю один случай, прочитанный мною в воспоминаниях о взятии Парижа в 1814 г. Я не помню, кто был автором их. Один молодой офицер был постоем у доктора-француза, которому юноша-офицер очень понравился. На другой день доктор взял с собой невольного постояльца и повел его в венерические клиники, где и показал опасность парижских развлечений. Посещение дало большой эффект для юноши. Он остался чуждым парижской эротике и вернулся в Россию физически и морально здоровым. Как жаль, что в мое время нам не показывали таких экспонатов. Это спасло бы многих товарищей от заболеваний и даже самоубийства.

Я был достаточно начитан в истории философии и прочел с большим вниманием книгу Ланге «История материализма»⁸⁵. Это имело большое значение для моего разрыва с моими религиозными и идеалистическими взглядами. Впервые в 7 классе гимназии услышал слово «Маркс» и познакомился с «Коммунистическим манифестом», но это знакомство было случайно и на мое историко-философское мировоззрение не имело никакого влияния. Был дан только толчок. Знакомство с Марксом и марксизмом могло случиться только позднее. Но истории рабочего класса я не знал. Те книги, которые я читал по истории, содержали в себе или политическую историю, или религиозную, не исключая книг по истории французской революции (Минье⁸⁶, Шлоссер⁸⁷). В гимназии у меня зародился интерес к философским проблемам, неизменно продолжавшийся в течение всей университетской жизни и сменившийся интересом к вопросам экономическим. По вполне объективным причинам я был в университете хорошо знаком со средневековой экономической историей, по вопросам освобождения крестьян, с историей труда и промышленности, промышленным переворотом в Англии, но русская экономическая история была мне в систематическом виде мало известна. В сущности, разработка ее только начиналась. Хорошо я был знаком с толстовством, в Полтаве их было немало, но меня к ним не тянуло, с некоторыми я был знаком, хотя я понимал их социально-политическое значение, узнавая последнее из «Миссионерских обозрений» и других подобных журналов, где указывалась опасность с точки зрения социально-политической, той или другой секты. В «Полтавских епархиальных ведомостях» печатались обстоятельные статьи [В. Н. Терлецкого] о сектантах, с которыми последний, как преподаватель [раскола], вел частые собеседования. Эти статьи в том или другом виде давали мне довольно богатый фактический материал.

Уже в гимназии я часто ломал голову, почему среди великороссов не было тех сект, что на юге, но на этот вопрос мои товарищи не могли дать ответа, а обратиться к более сведущим не хотел или, будет вернее, я стеснялся. Я был достаточно хорошо знаком с бытом и жизнью крестьянства, видел бедноту и многоземелье других, но никто не мог объяснить причины

неравенства в распределении земли между крестьянами и их бедности, я знал, что оно ведет свое начало «после воли», как говорила мне мать. Хотя у нас не было знакомых землевладельцев и к их миру мы не имели никакого отношения, но владение землей считалось фактом нормального характера, и на этой почве в нашей семье не возникало никаких социальных вопросов. Обилие разных сведений и отсутствие определенного историко-философского мировоззрения, которое могло бы объяснить все сведения, было характерно для меня. Впрочем, в этом отношении я не был ни хуже, ни лучше прочих моих товарищей. Еще, очевидно, не наступила пора сознательности. Надо было вырваться из милой сытой Полтавы и очутиться в большом городе, чтобы углубить свои взгляды и разобраться в том, о чем только смутно догадывался. В этом отношении большой университетский город должен был оказать свое влияние. Я собрался сначала на классическое отделение историко-филологического факультета, но попал на историческое отделение с 3 курса, и не в Киев, как я хотел, а в Москву, как это было угодно моему отцу в целях отгораживания меня от украинофильских лиц и украинофильствующей киевской обстановки. Об этих планах отца я узнал только потом, но бросать Москву не хотелось. Надо было окончить историко-филологический факультет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872) — русский славяновед, фольклорист, член-корреспондент Петербургской академии наук. В 1852 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета. Служил в Министерстве иностранных дел (с 1856 г. — консул в Боснии).

² См. подробнее: *Карасев В. Г. И. Х. Пичета (1844—1920) // Славяне в эпоху феодализма. М. 1978. С. 135—149; Карасев В. Г. Йован Пичета (1844—1920) и его мемуары // Ежегодник Балканского института BALKANIKA VIII. Београд, 1977. С. 418—425; Пичета J. Протоирей. Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. Харьков, 1911; Пичета J. Протоирей. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца на службе по духовно-ученому ведомству. Харьков, 1912.*

³ Любавский Матвей Кузьмич (1860—1936) — российский историк, ректор Московского университета (1911—1917). Окончил Московский университет в 1882 г., магистр русской истории в 1894 г., доктор русской истории в 1900 году. Работал в средних учебных заведениях Москвы. С 1894 г. — приват-доцент Московского университета, с 1901 г. — профессор по кафедре русской истории. Преподавал в университете до 1930 г. Был близок к партии «Союз 17 октября», был против политизации учебного процесса, выступал за сохранение университетской автономии. Три основные составляющие его деятельности как историка — история Литовско-Русского государства, история западных славян, историческая география. Арестован 9 августа 1930 г. по так называемому «академическому делу» (дело академика С. Ф. Платонова), был выслан в Уфу. Были арестованы и его дети, а сын Валериан был расстрелян в 1931 г. за контрреволюционную деятельность.

⁴ Лицей в память цесаревича Николая находился на Крымской площади. Это было закрытое высшее учебное заведение для детей высших слоев общества. Был основан на личные средства публициста М. Н. Каткова и профессора П. М. Леонтьева. С 1872 г. стал официальным государственным учебным заведением.

⁵ Коростышев — село в Киевской губернии. В настоящее время — город районного значения в Житомирской области Украины, расположен на р. Тетерев (правый приток Днепра).

⁶ ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 88. Ед. хр. 394. Л. 1—2.

⁷ Кассо Лев Аристидович (1865—1914) — российский юрист, государственный деятель, получил блестящее образование за границей (Париж, Гейдельберг, Берлин). Сдал магистерский экзамен в Дерптском университете (в настоящее время университет в г. Тарту — Эстония). Преподавал в Харьковском университете, в 1899 г. — ординарный профессор по кафедре гражданского права Московского университета. Преподавал также в Константиновском межевом институте, 1908—1910 гг. — директор лицея в память цесаревича Николая. С 8 октября 1910 г. — управляющий Министерства народного просвещения, а с 2 февраля 1911 г. — министр народного просвещения (до смерти). Был убежденным сторонником охранительной политики в сфере образования.

⁸ Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1924) — российский экономист, министр народного просвещения Временного правительства (1917). В 1896 г. перевел на русский язык книгу Карла Мар-

кса «К критике политической экономии». В 1905—1911 гг. — ректор Московского университета, был сторонником сохранения университетской автономии. В 1911 г. в ходе студенческих волнений в учебные здания университета была введена полиция. В знак протеста против этого А. А. Мануйлов подал в отставку.

⁹ Герье Владимир Иванович (1837—1919) — русский историк, общественный деятель. Окончил курс словесного факультета Московского университета и был оставлен в университете для приготовления к профессорскому званию. Был преподавателем истории и литературы в первом Московском кадетском корпусе. В 1863 году защитил магистерскую диссертацию «Борьба за польский престол в 1833 г.». Три года провел за границей (Германия, Италия, Париж). В 1865 г. — приват-доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Московского университета. В 1868 г. защитил диссертацию «Лейбниц и его век». В 1872 г. основал Высшие женские курсы и до 1905 г. возглавлял их. В 1906 г. примкнул к октябристам.

¹⁰ Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. Ч. 1—2. М.: Синод. типогр., 1917.

¹¹ ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 88. Ед. хр. 394. Л. 15.

¹² Там же. Л. 17—18.

¹³ Архив РАН. Ф. 1548 (академик В. И. Пичета). Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 1—2 об.

¹⁴ Баранова Е. В., Яновский О. А. Владимир Иванович Пичета: белорусское обрамление исторического портрета (К 130-летию со дня рождения) // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск, 2008. Вып. 3. С. 219—234.

¹⁵ Пичета В. И. История белорусского народа // Курс белорусоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. М. 1918—1920. С. 1—34.

¹⁶ Пичета В. И. Гісторыя Беларусі. Ч. 1. М.; Л., 1924. 134 с.

¹⁷ Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — российский историк, академик. В 1882 году окончил Санкт-Петербургский университет. В 1888 г. защитил диссертацию «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени 17 века как исторические источники». С 1899 г. — профессор Санкт-Петербургского университета. Председатель Археографической комиссии (1918—1929), директор Пушкинского Дома (1925—1929) и Библиотеки АН СССР (1925—1928). Арестован в 1930 г. по так называемому «академическому делу» историков. Выслан в Самару, где и умер.

¹⁸ Тарле Евгений Викторович (1874—1955) — российский историк, академик АН СССР (1927). Окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1896). 1903—1917 — приват-доцент Петербургского университета. С 1917 г. — профессор Петроградского, затем Ленинградского и Московского университетов. В 1913—1918 гг. был одновременно профессором университета в Юрьеве (Тарту). В 1930 г. был арестован по делу академика С. Ф. Платонова, был сослан в Алма-Ату. В 1937 г. судимость была снята, он был восстановлен в звании академика. В 1941—1945 гг. в эвакуации в Казани, был профессором кафедры истории историко-филологического факультета Казанского университета (1941—1943). Самая популярная его работа «Наполеон» (М., 1936).

¹⁹ Готье Юрий Владимирович (1873—1943) — российский историк, академик. В 1895 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, учился у В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова. Служил в Московском архиве Министерства юстиции и в отделе русских древностей Румянцевского музея. В 1900 г. сдал магистерский экзамен, с 1903 г. — приват-доцент кафедры русской истории Московского университета. В 1913 г. защитил докторскую диссертацию, с 1915 г. — профессор. Его диссертация «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II». До 1930 г. — заместитель директора Румянцевского музея, арестован по «академическому делу», выслан в Самару. В 1933 г. вернулся в Москву, с 1939 г. вернулся в МГУ. Академик АН СССР.

²⁰ Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950) — российский историк, член-корреспондент АН СССР (1939), действительный член АПН РСФСР (1945), приват-доцент, профессор Московского университета. С 1937 г. работал в Институте истории АН СССР. Бахрушин внес большой вклад в выработку общей концепции развития феодализма в России. Первым занялся изучением процесса образования всероссийского рынка и истории купечества России. Много сделал для развития источниковедения, историографии и исторической географии Сибири.

²¹ Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 1.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 10.

²⁴ Архив МГУ. Оп. 34. Д. 7031. Л. 15 об.

²⁵ Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 4—5.

²⁶ Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Ед. хр. 21. 133 л. с об.

²⁷ Белики — село около Полтавы, Полтавская область Украины.

²⁸ Восстание 1863 г. в Польше — январское восстание — национально-освободительное восстание на территории царства Польского, Литвы, частично Белоруссии и Правобережной Украины. Началось 22 января 1863 г. и продолжалось до поздней осени 1864 года. Это было самое массовое и демократическое восстание по своему социальному составу. Было подавлено. За причастность к восстанию были казнены 128 человек, 12 500 — высланы в различные регионы Российской империи, репрессии коснулись и членов семей повстанцев. В Царстве Польском был установлен военный режим правления. Но, чтобы лишить мятежную шляхту социальной опоры, в Царстве Польском была проведена крестьянская реформа в 1864 г., по которой были ликвидированы остатки крепостничества, а крестьянство наделено землей.

²⁹ Польский народный жонд — жонд народowy — центральный коллегиальный орган повстанческой власти во время польских восстаний.

³⁰ В соответствии с Городским положением 1870 г. создавались городские думы и городские управы. К выборам в них допускались только лица, имеющие недвижимость. Выбранные в городскую думу и назывались гласные думы.

³¹ Славута — село в Волынской губернии. В настоящее время — Хмельницкая область Украины.

³² Знаменка — в настоящее время районный центр Кировоградской области Украины.

³³ Фастов — с 1870 г. поселок, стал важным транспортным центром. В 1938 г. получил статус города. В настоящее время — административный центр Фастовского района Киевской области Украины, железнодорожный узел.

³⁴ Бердичев — был город-монастырь Волынской губернии. Сейчас — город Житомирской области Украины, административный центр Бердичевского района, железнодорожный узел.

³⁵ Динабург (ранее Двинск, Борисоглебск) — в настоящее время Даугавпилс, Латвия — город на р. Даугава, рядом с границами Литвы и Белоруссии.

³⁶ Введенский Иван Александрович — преподаватель латинского языка в мужской гимназии города Витебска, позже был ее директором. Его сын — Введенский Александр Иванович — церковный деятель, который в марте 1917 г. был одним из организаторов и секретарем «Союза демократического православного духовенства и мирян». В 1924 г. — митрополит, управляющий Московской епархией.

³⁷ «Родник» — книга для чтения в классе и дома для учащихся младших классов средних учебных заведений.

³⁸ В. И. Пичета скорее всего имеет в виду «Брестскую унию» 1596 г. — объединение католической и православной церквей на территории Речи Посполитой. Согласно Унии православная церковь на территории Украины и Белоруссии признавала своим главой Римского Папу, но сохраняла богослужение на славянском языке и обряды православной церкви. Против Унии выступали крестьяне, казаки, мешане, часть православной шляхты, низшее духовенство.

³⁹ Суккор — праздник кушей — один из основных праздников еврейского народа (сентябрь — октябрь) продолжается семь дней. В это время по традиции следует выходить из дома и жить в сукке (шатре, шалаше), вспоминая о блуждании евреев по Синайской пустыне.

⁴⁰ Сапунов Алексей Парфенович (1851—1924) — автор работ по истории, археологии и краеведению Витебщины. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Работал секретарем губернского статистического комитета в Витебске. Депутат III Государственной Думы, входил во фракцию «Союза 17 октября».

⁴¹ Лучоса (Лучеса) — река в Белоруссии, левый приток Западной Двины, впадает в которую в пределах Витебска.

⁴² Городок — станция недалеко от Витебска, на шоссе Одесса — Санкт-Петербург, железнодорожная станция на том же направлении.

⁴³ Вельма Яков Иосифович — лектор немецкого языка на младших курсах в Московском университете, на старших курсах вел чтение немецких классиков. — См.: Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета в 1898/99 году (М., 1898).

⁴⁴ Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — выдающийся русский историк, академик, ученик М. С. Соловьева. Из семьи священника Пензенской губернии. В 1861 году поступил на историко-

филологический факультет Московского университета, окончил его в 1865 г., блестяще защитив дипломную работу «Сказания иностранцев о Московском государстве». Работа была опубликована в «Известиях Московского университета», а В. О. Ключевский был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. 36 лет он отдал Московскому университету (1871—1906). Одновременно он читал лекции по русской истории в Московской духовной академии, а также на Московских высших женских курсах. В 1871 защитил магистерскую диссертацию «Жития святых как исторический источник», стал приват-доцентом по кафедре русской истории, а в 1882 г. им была защищена докторская диссертация «Боярская дума Древней Руси», и с этого времени — он профессор по той же кафедре. В 1893 был приглашен преподавать курс русской истории сыну Александра III Георгию. В 1899 издал «краткое пособие по русской истории», которое фактически стало учебником для гимназий. Ключевский широко известен своим лекционным «Курсом русской истории», изданным им впервые в 1902 г. (впоследствии неоднократно переиздавался и переведен на многие европейские языки). Ключевский был непревзойденным лектором. Когда он читал свой курс, аудитория всегда была переполнена. Им были прочитаны и изданы специальные курсы «Методология русской истории», «Терминология русской истории», «История сословий в России», «Источники русской истории», цикл лекций по русской историографии. При рассмотрении русской истории на первый план выдвигал политические и экономические события.

⁴⁵ Теоремы Гюльдена — первая теорема — о площади поверхности вращения, а вторая — об объеме тела вращения.

⁴⁶ Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920) — русский историк. В 1854 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, преподавал в Раненбурге (Рязанская губерния), затем в 3-й Московской гимназии. В 1858 г. защитил магистерскую диссертацию «История Рязанского княжества». С 1862 г. занялся научной и педагогической деятельностью. По учебникам истории Иловайского училось несколько поколений российских гимназистов («Средняя история. Курс старшего возраста», «Сокращенное руководство ко всеобщей и Русской истории. Курс младшего возраста», «Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста»).

⁴⁷ «Киевская старина» — ежемесячный историко-литературный журнал. Выходил в Киеве в 1882—1906 гг. на русском языке. Здесь печатались статьи по истории, археологии, этнографии, географии и литературе Украины, очерки о видных деятелях культуры. В 1907 г. выходил на украинском языке под названием «Украина».

⁴⁸ Павловский Иван Францевич (1851—1922) — украинский историк-архивист буржуазно-либерального направления. В 1874 окончил историко-филологический факультет Киевского университета, около 40 лет преподавал историю в Полтавском кадетском корпусе. В 1903—1907 гг. — секретарь Полтавской ученой архивной комиссии.

⁴⁹ Ахшарумов Дмитрий Дмитриевич (1823—1910) — русский общественный деятель, петрашевец. В 1846 г. окончил Санкт-Петербургский университет. С 1847 г. служил в Министерстве иностранных дел. В 1848 г. посещал «пятницы» Петрашевского. Все участники этих «пятниц» были осуждены и приговорены к смертной казни, в их числе и Д. Ахшарумов. Но расстрел был заменен ссылкой в арестантские роты на 4 года. После освобождения в 1862 г. окончил Медико-хирургическую академию. Автор многочисленных работ по медицине.

⁵⁰ Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — крупнейший русский историк-медиевист, учился в Московском университете, ученик В. И. Герье, его преемник по кафедре всеобщей истории. В 1880 г. опубликовал магистерскую диссертацию «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии» (СПб., 1880). В дальнейшем обратился к истории средневековой Англии, к проблемам происхождения английского феодализма. С 1884 г. — профессор, крупнейший представитель либерально-позитивистской историографии. В 1902 г. ушел из Московского университета, с 1903 — профессор Оксфордского университета. Вернулся в Московский университет в 1908 г. В 1911 г. ушел в отставку и порвал с Россией. После Октябрьской революции — английский подданный. Преподавал в Оксфорде.

⁵¹ В 1896 г. происходила коронация Николая II и Александры Федоровны.

⁵² Литография — плоская печать, возникла в конце XVIII в. Тогда это была новая техника печати с помощью литографского камня, а позднее с помощью специальных металлических пластин.

⁵³ Южин (Сумбатов) Александр Иванович (1857—1927) — русский актер, драматург, театральный деятель, почетный академик (1917), народный артист Республики (1922). Родился в семье грузинского князя, учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. С 1876 г. выступал

на профессиональной сцене под псевдонимом Сольцев (Тифлис). С 1882 г и до конца жизни он играл в Малом театре.

⁵⁴ Федотова Гликерия Николаевна (1846—1925) — русская актриса, народная артистка республики (1924), Герой труда (1924). С 1858 г. выступала на сцене Малого театра, в 1863 была зачислена в труппу Малого театра, к концу 60-х гг. стала ведущей актрисой, расцвет ее таланта приходится на 70-е гг. XIX в. Лучшие роли Федотова создала в пьесах Островского («Снегурочка», «Василиса Мелентьева»). С 1885 г. вела педагогическую работу. В 1905 г. из-за болезни оставила сцену, но продолжала педагогическую работу.

⁵⁵ «Василиса Мелентьева» — драма А. Н. Островского — поставлена 3 января 1868 г. в московском Малом театре в бенефис П. Садовского, роль Василисы играла Г. Н. Федотова. Василиса Мелентьева — вдова-москвичка. Считалась шестой женой Ивана Грозного, хотя не была с ним венчана. В драме изображены психологически очень сложные отношения между Грозным, Анной Васильчиковой, Василисой Мелентьевой и боярским сыном Андреем Колычевым. История смешана в драме Островского с вымыслом.

⁵⁶ Геродот Геликарнасский — древнегреческий историк, известен как автор первого исторического трактата западной цивилизации — «Истории», где он описал греко-персидские войны и обычаи многих ему современных народов. Цицерон назвал его «отцом истории». Он жил приблизительно между 484 и 425 гг. до н. э. Сочинение Геродота сохранилось во множестве рукописей. Самая древняя относится к X в., хранится во Флоренции. Сочинение Геродота не раз переводилось на русский язык.

⁵⁷ Гомер — легендарный древнегреческий поэт-сказитель, которому приписывается создание «Илиады» и «Одиссеи», о его жизни ничего достоверно неизвестно. Традиционно изображался слепцом.

⁵⁸ «Слово о полку Игореве» («Слово о походе Игоревом, сына Святославова, внука Олегова») — самый известный памятник средневековой русской литературы. В основе сюжета — неудачный поход 1185 г. русских князей на половцев, предпринятый новгород-северским князем Игорем Святославовичем. Подавляющее большинство исследователей датируют «Слово» концом XII века. Проникнутое мотивами славянской народной поэзии и языческой мифологии, по своему художественному языку «Слово» резко выделяется на фоне древнерусской литературы и стоит в ряду крупнейших достижений европейского средневекового эпоса.

⁵⁹ Кенигсберг — в настоящее время — Калининград, Россия.

⁶⁰ Шекспир Уильям (1564—1616) — английский драматург и поэт, один из самых знаменитых драматургов мира, автор трагедий, комедий, поэм и цикла сонетов. Его отец был состоятельным ремесленником, а мать принадлежала к одной из древнейших английских фамилий (Арденн). Сам он некоторое время был актером лондонской труппы, но в конце жизни вернулся в родной Стратфорд, где и умер.

⁶¹ Шиллер Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, драматург и теоретик искусства.

⁶² Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — русский писатель, поэт, член-корреспондент Петербургской академии наук. В 1833 г. поступил на словесный факультет Московского университета, через год, как и старший брат, поступил в гвардейскую артиллерию. Тогда же семья переехала в Санкт-Петербург, и он переходит в Санкт-Петербургский университет, который окончил в 1836 г., в 1838 г. получил степень кандидата и уехал в Германию. Там слушает лекции в университете. В 1841 г. вернулся в Россию и начал свою литературную деятельность. В 1852 г. выходит сборник рассказов «Записки охотника», затем — четыре его крупнейших произведения: «Рудин» (1856), «Дворянское гнездо» (1859), «Накануне» (1860), «Отцы и дети» (1862). С начала 1860-х гг. живет за границей, где написал свой самый крупный роман «Новь» (1877). Умер во Франции, похоронен в Санкт-Петербурге.

⁶³ Толстовство — зародилось в конце 80-х гг. XIX в. в среде русского крестьянства под влиянием духоборчества и учения Л. Н. Толстого. Окончательно сложилось в начале XX в. Основы толстовства изложены Л. Н. Толстым в его произведениях «Исповедь», «В чем моя вера?», «Крейцерова соната» и др. Появились колонии толстовцев, которые назывались культурными скитами. В 1897 г. в России толстовство было объявлено вредной сектой. В 1901 г. Л. Н. Толстой был отлучен от церкви. В учение толстовства в качестве основных принципов входили: всеобщая любовь, непротivление злу насилем, духовное и нравственное самосовершенствование. Толстовцы, как правило, придерживались вегетарианства.

⁶⁴ Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) — русский публицист и литературный критик, революционный демократ. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1861). В 1861—1866 гг. ведущий критик и идейный руководитель журнала «Русское слово».

В 1862—1866 гг. находился в Петропавловской крепости за нелегальную статью-прокламацию, содержащую призыв к свержению самодержавия. В 1863 г. ему разрешили продолжать литературную деятельность. В 1867—1868 гг. — сотрудничал в журналах «Дело» и «Отечественные записки».

⁶⁵ Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — русский литературный критик рубежа 1850—1860-х гг., публицист, революционный демократ. С 17 лет в Петербурге, учился в Педагогическом институте, занимался фольклором. С 1854 г. стал разделять радикальные антимоноархические, антирелигиозные и антикрепостнические воззрения, что нашло отражение в его многочисленных «крамольных» сочинениях того времени, в том числе и в рукописных студенческих журналах. Он много и легко писал, печатался в журнале «Современник». Сочинения Добролюбова содержали острые общественно-политические высказывания. В ряде статей проявились и его философские взгляды. В центре его системы — человек. Равенство людей Добролюбов считал естественным состоянием человеческой природы. Он был также поэтом-сатириком, остроумным пародистом, душой вышедшего при «Современнике» приложения «Свисток», писал и серьезные стихи, переводил Гейне.

⁶⁶ Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — русский литературный и театральный критик, идеолог демократического направления в литературе и театре 30—40-х гг. XIX в.

⁶⁷ Павленков Флорентий Федорович (1839—1900) — российский книгоиздатель, окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1861), служил в Киевском и Брянском арсеналах. Вышел в отставку и занялся издательской деятельностью. В конце 80-х гг. XIX в. начал издавать знаменитую серию «Биографическая библиотека, или Жизнь замечательных людей (200 биографий с портретами), а также научные серии — «Научно-популярная библиотека» и «Библиотека полезных знаний». Завершил свою деятельность составлением и выпуском однотомного иллюстрированного «Энциклопедического словаря» (1899).

⁶⁸ Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — русский и украинский историк, исследователь социально-политической и политической истории России и Украины, украинский и русский поэт и беллетрист. В 1833 г. поступил в Харьковский университет на историко-филологический факультет, после окончания его поступил на военную службу, но вскоре оставил ее. В 1840 г. сдал магистерский экзамен, в 1842 г. напечатал диссертацию «О значении унии в Западной России», но защита не состоялась. В 1843 г. напечатал новую работу «Об историческом значении русской народной поэзии». С 1846 г. преподавал в Киевском университете, в 1847 г. был арестован и год провел в Петропавловской крепости, затем сослан в Саратов под надзор полиции. В 1854 г. возобновил преподавание в университете (Санкт-Петербург). Самая известная его работа «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей».

⁶⁹ Сенкевич Генрих (1846—1916) — польский писатель, лауреат Нобелевской премии (1905). Известен своей исторической трилогией: «Огнем и мечом» (1883—1884) — о борьбе шляхетской Речи Посполитой с Украиной времен Б. Хмельницкого; «Потоп» (1884—1886) — освободительная война поляков со шведской интервенцией 1655—1656 гг.; «Пан Володыевский» (1887—1888) — подвиги польских рыцарей в период турецкого нашествия (1672—1673).

⁷⁰ «Русская старина» — ежемесячное историческое издание, основано в Санкт-Петербурге в 1870 г. М. И. Семеvским. Закрыто в 1918 году. Основная цель журнала — служить разработке русской истории новейшего времени, начиная с Петра I. Особое значение придавалось запискам, воспоминаниям, дневникам, автобиографиям и т. п. Содержание журнала отличалось большим разнообразием.

⁷¹ «Исторический вестник» — русский ежемесячный историко-литературный журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1880—1917 гг. Основали журнал Александр Сергеевич Суворин и С. Н. Шубинский, чтобы знакомить читателя с состоянием исторической науки и литературы в России и Европе.

⁷² «Журнал Министерства народного просвещения» — выходил ежемесячно с 1834 г., был также научным журналом, предпочтение отдавалось истории и литературе.

⁷³ «Вестник Европы» — ежемесячный журнал, основан в 1802 г. Н. М. Карамзиным. В журнале преимущественное внимание уделялось истории и политике. Журнал придерживался буржуазно-либерального направления.

⁷⁴ «Русская мысль» — один из лучших ежемесячных литературно-политических журналов. Выходил в Москве с 1800 г. Закрыт в 1918 г. Выпускался за рубежом — в Софии, затем в Праге и Париже. Издание прекратилось в 1927 г.

⁷⁵ «Русское обозрение» — ежемесячный литературно-политический и научный журнал, издавался в Москве в 1890—1898 гг., фактическим издателем был фабрикант Д. И. Морозов. Журнал поддерживался и личными субсидиями Александра III.

⁷⁶ «Вопросы философии и психологии» — журнал, выходивший в Москве при психологическом обществе с 1890 г., 4—6 раз в год. Журнал занимался не только разработкой научных вопросов, но и психологической критикой выдающихся явлений жизни и литературы.

⁷⁷ Кропивницкий Марк Лукич (1840—1910) — украинский драматург, театральный деятель, режиссер, актер, композитор, художник, один из основоположников украинского профессионального театра. В 1882 г. организовал первую украинскую профессиональную труппу, в которую вошли выдающиеся актеры М. Заньковецкая, Н. Садовский, П. Саксагонский, М. Садовская-Барилотти, И. Карпенко-Карый и др.

⁷⁸ Заньковецкая (Адамовская) Мария Константиновна (1860—1934) — украинская актриса и театральный деятель. Одна из основоположников национального профессионального театра в Украине, Народная артистка УССР (1922). Родилась в семье обедневшего художника. С юных лет с успехом выступала в любительских спектаклях. Из-за любви к театру она порвала с семьей и поступила на сцену. Дебютировала в 1882 г. в Елизаветграде (Кировоград) в первом украинском театре, руководимом М. Кропивницким. Актриса широкого диапазона. Была первой украинской актрисой, завоевавшей признание широких демократических кругов всей России.

⁷⁹ Садовский (Тобилевич) Николай Карпович (1851—1933) — украинский актер и режиссер. Родился в семье управляющего помещичьими усадьбами, брат И. Карпенко-Карого, М. Садовской и П. Саксагонского. Участвовал в любительских драматических кружках. Работал в труппе М. Кропивницкого, в 1888 г. вместе с М. К. Заньковецкой основал собственную труппу.

⁸⁰ Саксагонский (Тобилевич) Афанасий (Панас) Карпович (1859—1940) — украинский актер, режиссер и театральный деятель. Народный артист СССР (1936). В 1875 г. играл в любительских кружках под руководством М. Кропивницкого. Окончил Одесскую юнкерскую школу (1880). Находясь на военной службе, увлекался театральным искусством. В 1883 г. вступил в украинскую профессиональную труппу. В 1890 г. организовал и возглавил «Товарищество русско-малороссийских артистов», которое объединилось с труппой Н. Садовского, затем к ним присоединились М. Кропивницкий и М. К. Заньковецкая. Возникла «Малороссийская труппа». Продолжал театральную деятельность и после Октябрьской революции.

⁸¹ Карпенко-Карый (Тобилевич) Иван Карпович (1845—1907) — украинский драматург, актер и театральный деятель. С 1863 г. принимал участие в любительских спектаклях. С 80-х гг. XIX в. участвовал в различных театральных труппах. Работал с Н. Садовским, М. Кропивницким, П. Саксагонским, М. Заньковецкой. Участвовал в гастролях этих трупп в Петербурге и Москве.

⁸² Затыркевич-Карпинская Анна Петровна (1856—1921) — украинская актриса. Родилась в семье помещика, выступала в любительском кружке, а с 1883 г. играла в труппе М. Кропивницкого (до 1892 г.). Позже перешла в труппу Н. Садовского.

⁸³ Мариинский театр — ведет свою историю от основанного в 1873 г. по приказу императрицы Екатерины Великой Большого театра. Был так назван по имени супруги Александра II — императрицы Марии Александровны. Открылся в 1860 г. Сейчас — Ленинградский государственный академический театр оперы и балета им. С. М. Кирова.

⁸⁴ Новые Санжары — ныне районный центр в Полтавской области. Ворскла — левый приток Днепра, протекает через Новые Санжары.

⁸⁵ Ланге Фридрих Альберт (1828—1875) — немецкий философ и экономист. С 1855 г. — приват-доцент Боннского университета. Главный труд — «История материализма» (1866 г.), русский перевод Н. Страхова, Санкт-Петербург, 1881—1883.

⁸⁶ Минье Франсуа-Огюст (1796—1884) — известный французский историк, был редактором политического отдела «*Courrier Français*» («Французский курьер»), в 1824 г. выпустил «Историю французской революции» — обзорное сочинение о ходе событий во Франции в 1759—1814 гг., где оправдывает революцию в глазах современников и прославляет среднее сословие. Его «Французская революция» вышла в русском переводе под редакцией и с предисловием К. К. Арсеньева (СПб., 1866 и 1895 г.).

⁸⁷ Шлоссер Фридрих Кристоф (1776—1861) — немецкий историк. Ученое имя составил себе историей императоров-иконоборцев» (1812). В 1817 г. получил кафедру в Гейдельбергском университете.